

Татьяна Знамеровская

Переводы

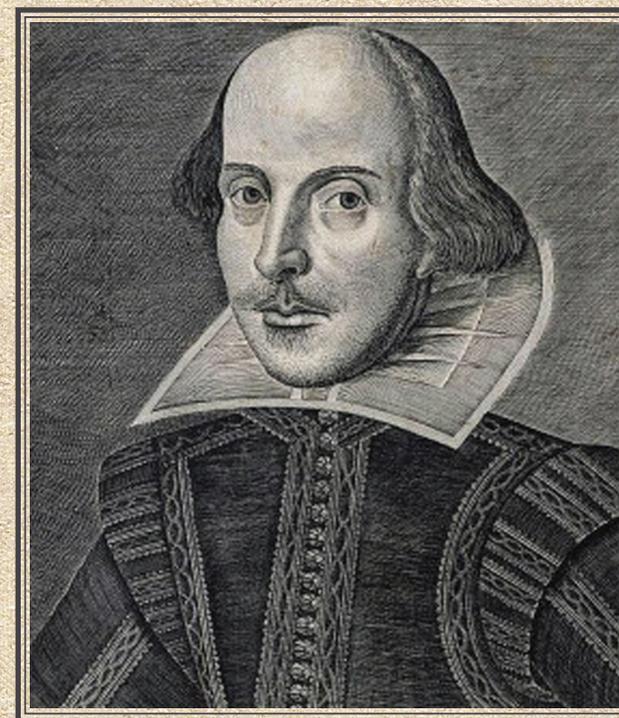
Шекспир

Татьяна Знамеровская

Переводы

Шекспир

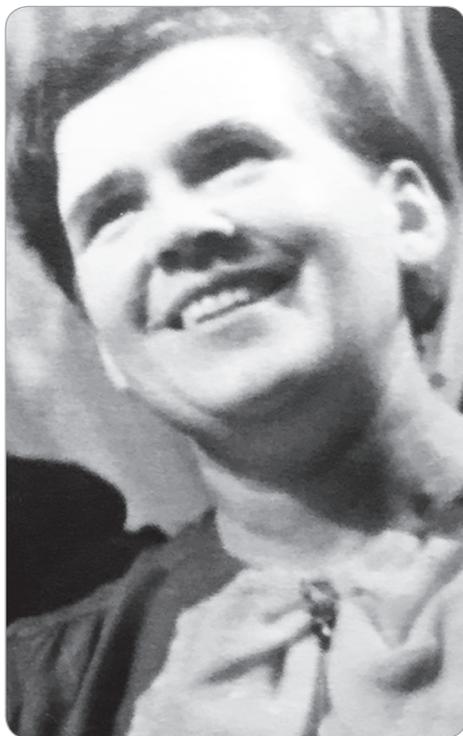
Татьяна Знамеровская

ПЕРЕВОДЫ

ШЕКСПИР

Т. П. Знамеровская. Хапчеранга, 1942 г.

Т. Знамеровская

ПЕРЕВОДЫ

ШЕКСПИР

Санкт-Петербург
2022

УДК 82-1
ББК 84стд1-5
372

372 **Т. П. Знамеровская. Переводы. Шекспир** / сост., автор предисловия А. В. Морозова. — СПб.: Издательство «Радуга», 2022. — 200 с. (3 ил.)

Книга представляет собой публикацию рукописи переводов Шекспира крупного отечественного искусствоведа Т. П. Знамеровской (1912–1977). Знамеровская всю жизнь писала стихи, а также много переводила поэтов прошлого и современности. Своими переводами Шекспира она особенно гордилась. О них с большой похвалой отзывались профессор Н. Я. Берковский, поэт С. П. Антонов.

Автор текстологической подготовки тома, предисловия, составитель и редактор А. В. Морозова.

Книга может быть интересна искусствоведам как материал к биографии Т. П. Знамеровской, литературоведам как профессиональный перевод поэзии Шекспира, соперничающий с переводами Маршака.

Книга является серийным изданием, следующим за изданной в 2020 г. при поддержке РФФИ (проект № 20-19-40009 д_нпи) книгой «Знамеровская Т.П. Воспоминания. Лирика (Любовь и жизнь. Стихи). Под ред. А.В. Морозовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета» и за изданной в 2021 г. при поддержке РФФИ (проект № 21-112-40006) книгой «Знамеровская Т.П. Только о личном. Под ред. А.В. Морозовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета».

УДК 82-1
ББК 84стд1-5

© Т. П. Знамеровская, перевод, 2022
© А. В. Морозова, сост., предисл., 2022
© Издательство «Радуга», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Татьяна Петровна Знамеровская¹ (1912–1977), чьи переводы сонетов Шекспира мы представляем читателю в этом издании, — ученый, доктор искусствоведения, доцент кафедры истории искусства исторического факультета ЛГУ (ныне Институт истории СПбГУ), автор целого ряда публикаций по истории искусства Испании, Франции и Италии эпохи Возрождения и XVII в., в том

¹ О биографии и научном пути Т. П. Знамеровской см.: Морозова А. В. Искусствовед Татьяна Петровна Знамеровская: формирование личности // Знамеровская Т. П. Воспоминания. Лирика (Любовь и жизнь. Стихи) / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатели А. В. Морозовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 6–36 (издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-40009); Морозова А. В. Роль исторических романов в воспитании личности ученого-искусствоведа (на мемориальных архивных материалах доктора искусствоведения Т. П. Знамеровской (1912–1977)) // Вестник Томского гос. Университета. Культурология и искусствоведение. Принята к публикации; Морозова А. В. Кавказ, запечатленный в мемуарах Т. П. Знамеровской, как источник вдохновения для образов ее научных публикаций // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 611–622.

Памяти Т. П. Знамеровской посвящены: Итальянский сборник / под ред. В. В. Селиванова. СПб.: Акционер и Ко, 2007. № 10 (и статья в нем: Селиванов В. В., Мартыненко В. П., Сони́на Т. В. Памяти Т. П. Знамеровской // Там же. С. 235–246); Калинина Н. Н., Морозова А. В. Традиция изучения истории искусства Испании старого времени на кафедре истории западноевропейского искусства // Университетский историк: Альманах. 2012. Вып. 11. С. 4–7.

В целом о научном творчестве Т. П. Знамеровской как испаниста см.: Морозова А. В. Испанская тема в исследованиях Т. П. Знамеровской и Е. О. Вагановой // Iberica: К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот». СПб.: Наука, 2005. С. 226–234; Морозова, А. В. Отечественная

числе таких известных монографий, как «Рибера», «Веласкес», «Мазаччо», «Мантенья» и других². Знамеровская была незаурядной личностью и, помимо преподавательской и исследовательской работы, неплохо рисовала, вела дневники, опираясь на которые, в конце жизненного пути она написала воспоминания, и всю жизнь, с детства, писала стихи, оставшиеся при жизни автора практически целиком не изданными. Приняв решение уйти из жизни после смерти горячо любимого мужа Павла Сигизмундовича Чахурского, Знамеровская сдала неопубликованные рукописи своих дневников, воспоминаний и стихов в ряд государственных архивов и раздала их дубликаты своим ученикам, друзьям и родным. Большой объем материалов был отдан ею на хранение искусствоведу, доценту кафедры истории искусства ЛГУ (позже СПбГУ) Валентину Александровичу Булкину (1937–2016), и бережно сохранялся им в течение всей жизни.

Несколько лет назад мы начали публикацию этих рукописей, решив двигаться в хронологическом порядке изложения Знамеровской событий своей жизни³. Это были воспоминания,

искусствоведческая испанистика. Становление и развитие / А. В. Морозова. СПб: Дмитрий Буланин, 2016. С. 189–200; Morozova, A. T. P. Znamerovskaya as the Spanish Art Researcher: the influence of the epoch and research objectiveness / A. Morozova // 3rd International Multidisciplinary scientific conference on Social Sciences and Arts. 6–9 April, 2016. SGEM 2016: Conference Proceedings. Book 4: Arts, Performing Arts, Architecture and Design. Volume 1: History of Arts. Contemporary Arts. Performing and Visual Arts. Vienna, 2016. P. 83–88.

- ² Знамеровская Т. П. Микельанджело да Караваджо: 1573–1610. М.: Искусство, 1955; Знамеровская Т. П. Андреа Мантенья — художник северо-итальянского кватроченто. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961; Знамеровская Т. П. Проблемы кватроченто и творчество Мазаччо. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975; Знамеровская Т. П. Неаполитанская живопись первой половины XVII в. М.: Искусство, 1978; Знамеровская Т. П. Веласкес. М.: Изобразительное искусство, 1978; Знамеровская Т. П. Хусепе Рибера. М.: Изобразит. искусство, 1981. М.: Изобразит. искусство, 1982.
- ³ Знамеровская Т. П. Воспоминания и лирика (Любовь и жизнь. Стихи); Знамеровская Т. П. Только о личном. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2021. Издание осуществлено при финансовой поддержке

дневники и стихи. И каждый раз, когда я встречалась с учениками Знамеровской (ставшими известными учеными, знатоками западноевропейской и русской культуры и искусства), передавая им изданные материалы, я слышала от них один и тот же вопрос: «А когда же будут опубликованы подготовленные Знамеровской переводы сонетов Шекспира?» Сама автор тоже очень ценила свои переводы.

Эти переводы были начаты ею во время Великой Отечественной войны, когда она с мужем П. С. Чахурским, главным геологом оловорудного комбината, жила на Дальнем Востоке на руднике Синанча, и завершены в 1963 г. на Кавказе, когда из-за приступа гипертонии она была вынуждена прервать свое участие в экспедиции в Тушетию и на время лечения обосноваться в Телави, центре Кахетии. Как она сама пишет в Третьей части своей книги воспоминаний «Горы и встречи»: «Днем я много спала от лекарств и дорабатывала сонеты Шекспира, перевод которых начала 20 лет тому назад на Дальнем Востоке. Они были закончены именно тогда, в тихой гостинице Телави»⁴.

Т. П. Знамеровская.
Зангезур, 1959 г.

Как Знамеровская отмечает в своих воспоминаниях, «из Синанчи я посылала образцы своих сонетов-переводов Маршаку, еще не выпустившему собственный их вариант, и не получила

Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-112-40006.

⁴ Знамеровская Т. П. Горы и встречи. Часть 3. Рукопись. Архив В. А. Булкина. С. 76.

ни одного слова в ответ»⁵. Эти переводы были высоко оценены поэтом Сергеем Антоновым, который на одном из вечеров читал их публике. Сама Знамеровская в то время из-за стеснительности и заикания, от которого она в последующем излечилась, читать свои стихи отказывалась. В воспоминаниях она пишет: «вспомню еще с благодарностью по отношению к жизни несколько моментов этой [поэтической] ее грани в моей судьбе». И вспоминает, в частности, относящиеся к лету 1946 г., «когда, — поясняет она, — я готовилась в аспирантуру, встречи у архитектора Любова и чтение с большим блеском моих шекспировских переводов Сергеем Антоновым, хорошо знавшим английский язык, очень мои сонеты ценившим и ставившим их гораздо выше переводов Маршака»⁶.

Знамеровская как никто была самой жизнью предназначена к переводу Шекспира. Во-первых, она познакомилась с ним еще в детстве, лет в двенадцать, когда ей подарили его комедии⁷, и сразу влюбилась в него. В своих воспоминаниях она так вспоминает про этот подарок: «Подарены были мне в эту зиму [1924 года] впервые также несколько комедий Шекспира и полное собрание сочинений Байрона...»⁸ В девятнадцать лет в письме своему будущему мужу П. С. Чахурскому она отмечает: «В моей комнате над столом висит маленький портрет Тургенева. У меня всегда стоит бюст Пушкина, самого моего любимого. Только Шекспир для меня еще выше»⁹. И там же: «Я никогда не относилась к “Дон Жуану” просто как к развращенному, избалованному покорителю женских сердец. Всегда в этом образе

⁵ Знамеровская Т. П. Любовь и жизнь. Часть 2. Рукопись. Архив В. А. Булкина. С. 389–390.

⁶ Там же. С. 389–390.

⁷ Знамеровская Т. П. Воспоминания и лирика (Любовь и жизнь. Стихи). С. 136.

⁸ Там же.

⁹ Знамеровская Т. П. Дневник геологических практик. Рукопись. Архив В. А. Булкина. С. 167.

чувствовала величие дерзости и силы, глубину страсти, непосредственного желания, искренности и прямоты, хотя бы только на каждое данное мгновение. Он для меня стоит в ряду вечных образов, к которым принадлежат “Фауст”, “Дон Кихот”, “Гамлет”, “Отелло”»¹⁰. Во Второй части своих воспоминаний «Любовь и жизнь», она, сравнивая художественные вкусы свои и мужа, отмечает: «Во многом наши вкусы сходились, хотя и не во всем, не всегда. ...любимую мной древнюю классику, начиная с греков и кончая моим возлюбленным Шекспиром, Павлуша не читал, а в театре воспринимал как нечто для него слишком далекое»¹¹. Знамеровская хорошо знала не только своего «возлюбленного Шекспира», но в целом английскую литературу и поэзию, кроме Шекспира очень любила Байрона.

Во-вторых, она прекрасно знала английский язык, который учила с юности¹². По традиции тех лет, детей в первую очередь учили устной речи, стараясь в качестве педагога найти носителей языка. К изучению английского Таня приступила, уже зная французский, который учила с семи лет, и немецкий, который изучала с двенадцати. Таким образом, у нее уже была языковая база, которая обеспечила быстрое усвоение английского. С четырнадцати лет, наряду с немецким, начались ее занятия английским. Как пишет Знамеровская в воспоминаниях, в Детском Селе, куда семья переехала вслед за отцом, посланным на высшие годовые

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ Знамеровская Т. П. Любовь и жизнь. Часть 2. Рукопись. С. 326.

¹² См. об этом: Морозова А. В. Домашнее воспитание и обучение в России 1910–1920-х гг. По воспоминаниям Т. П. Знамеровской, хранящимся в Российской национальной библиотеке (Domashnee vospitanie i obuchenie v Rossii 1910–1920-kh gg. Po vospominaniyam T. P. Znamerovskoi, khranyashchimsya v Rossiiskoi natsional’noi biblioteke [Home Education and Schooling in Russia in the 1910s–20s: Memoirs of T. Znamerovskaya Stored in the Fonds of the Russian National Library. In Russ.]). Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 301–312. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-301-312 IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2021, no. 1, pp. 301–312. doi 10.28995/2073-0101-2021-1-301-312.

курсы усовершенствования высшего командования артиллерии, ее мама договорилась с настоящей английской мисс из Уэллса, бывшей гувернанткой детей князей Борятинских, во время революции уехавших за границу. «Мисс» плохо говорила по-русски и давала уроки «английской разговорной речи и чтения без всякой грамматики и всяких правил. Вероятно, именно поэтому уже через год, — отмечает Знамеровская, — я знала английский язык лучше, чем немецкий и уже забывавшийся французский»¹³.

В последующем Знамеровская продолжала учить английский в студенческие годы. Как она отметила в своем дневнике во время учебы в Днепропетровском горном институте в 1929–1930 гг., «я теперь снова, как и раньше, хожу на уроки английского языка к симпатичной старушке, с удовольствием с ней читаю английские романы и разговариваю»¹⁴.

Во время жизни на Дальнем Востоке, как пишет в воспоминаниях Знамеровская, «выяснилось, что я единственный человек в Синанче достаточно владеющий английским языком и вместе с тем кончивший горный институт и хоть что-то понимавший в технической терминологии и ее осмысленном применении. Поэтому меня сделали переводчиком со сдельной оплатой работы и при том с работой на дому»¹⁵. Поскольку на рудник поступало западное оборудование по ленд-лизу, нужно было переводить инструкции к нему, чем Знамеровская и занималась. Кроме того, еще в 1936 г., уже закончив Ленинградский горный институт, Знамеровская поступает на заочное отделение исторического факультета ЛГУ, надеясь, что в дальнейшем эта дорога приведет ее к искусствоведению. Несмотря на войну, она продолжала надеяться на осуществление своей мечты и окончание университета. Живя в Синанче, как она пишет, «я знала, что

¹³ Знамеровская Т. П. Воспоминания и лирика (Любовь и жизнь. Стихи). С. 159.

¹⁴ Знамеровская Т. П. Только о личном. С. 220.

¹⁵ Знамеровская Т. П. Любовь и жизнь. Часть 2. Рукопись. С. 364

специализироваться хочу по западному искусству, и понимала, что без знания западных языков из этого ничего не выйдет. Поэтому я пунктуально (в духе моей бабушки Грюненвальд, которая упокоилась на кладбище в Днепропетровске, когда я еще училась в Детском Селе) каждый день по очереди усовершенствовалась в языках английском, немецком и французском, — конечно, пассивно, читая, переводя, занимаясь грамматикой. И так часа по три в день. Благодаря систематичности успехи были очень большие. А книги я доставала в библиотеке, в которой оказались неожиданные находки вроде отдельных произведений Гете, Шекспира, французских поэтов в оригиналах. От этих занятий я невольно перешла к занятию в свободные минуты (и даже при собирании в лесу желудей) стихотворными переводами. Так были переведены сонеты Шекспира и примерно сотня стихотворений Гете, не говоря о других. Конечно, я потом много раз в более поздние годы возвращалась к их доделке, особенно Шекспира, и кончила работу над сонетами только через 20 лет. Но в основном все-таки все, что легло в основу, было сделано тогда. Как от этого возрастала поэзия жизни! ...Как по-новому в этом возрасте открывалась красота каждого языка!»¹⁶ В далекой Синанче были люди, близкие по духу семье Чахурского-Знамеровской, друзья и внимательные слушатели, которые умели оценить красоту переводов и собственных стихов Знамеровской. В частности, ими оказались супруги Мишневы. И. Ф. Мишнев был начальником обогатительной фабрики. Вместе с женой Р. А. Мишневой после войны в Новосибирске они пытались, с разрешения автора, опубликовать стихи Знамеровской. Однако, у них ничего не вышло, так как в те годы издать что-то, созданное автором, профессионально поэзией и переводами не занимавшимся и не входившим в литературное профессиональное сообщество, было очень трудно. «Они поверили, что и переводы сонетов Шекспира, о которых

¹⁶ Знамеровская Т. П. Любовь и жизнь. Часть 2. Рукопись. С. 370.

покойный профессор Берковский¹⁷ сказал, что они гораздо лучше и ближе к оригиналам, чем переводы Маршака, напечатать невозможно. А уж к ним и сама я относилась всегда не как к дилетантству, а как к профессионально зрелым своим достижениям. Что оставалось Раичке¹⁸, как не отправить все мои “творения” Ираклию Андроникову в его коллекцию?»¹⁹ Там же, в Синанче, Знамеровская обучила английскому увлекшегося им мужа и его друга. «В отношении же английского должна похвастаться, — пишет Знамеровская в своих воспоминаниях, — что в Синанче я начала ему учить Павлушу и геолога В. П. Александра, вслед за нами переброшенного из Хапчеранги в Приморье, а когда-то кончавшего Горный институт на год позже меня. И оба мои ученика сделали такие успехи, что Павлуша, — забывший основательно и французский, и немецкий, которым его учили в детстве, — просто пристрастился к английскому до конца жизни. К его англomании добавилась и любовь к этому языку, и к возможности читать на нем газеты и журналы»²⁰. Когда Знамеровская возвращалась с Дальнего Востока через Владивосток, «узнав, — как она пишет, — что я прилично знаю английский язык, меня даже хотели завербовать буфетчицей и вместе с тем переводчицей на одно из суден, ходивших в Сан Франциско. Но при всем любопытстве к такому странствию время было у нас для него не подходящее»²¹. Чтобы иметь возможность вернуться в Ленинград и продолжить обучение на истфаке ЛГУ, Знамеровская едет к отцу в Семенов, где ее приняли на работу в Высшую офицерскую артиллерийскую школу (ВОАШ) в цикле марксизма-ленинизма

¹⁷ Видимо, имеется в виду Наум Яковлевич Берковский (1901–1972) — советский литературовед, литературный и театральный критик, доктор филологических наук (1964), профессор.

¹⁸ Имеется в виду Раиса Мишнева.

¹⁹ Знамеровская Т. П. Любовь и жизнь. Ч. 2. Рукопись. С. 373.

²⁰ Там же. С. 378.

²¹ Там же. С. 378.

лаборантом-библиографом²². «Но я по-прежнему каждый вечер занималась языками, хотя и меньше, чем в Синанче, и бегала после работы в библиотеку...»²³, — вспоминает она.

В-третьих, она сама была поэтом и всю жизнь, как уже упоминалось, писала стихи, главным образом лирического, но также и эпического плана. Она тонко чувствовала музыку стиха и его смысл, относясь к поэтическому оригиналу как ученый, не позволяя себе его исказить или трансформировать. На что неоднократно указывали мне ученики, а позже близкие друзья Знамеровской, она не скрывает пол адресата любовной лирики Шекспира. После возвращения в Ленинград с Дальнего Востока, что произошло в 1944 г., Знамеровская начала посещать возглавляемый Вс. А. Рождественским «кружок начинающих авторов» при Доме писателей. В числе участников кружка Знамеровская оказалась по приглашению самого Рождественского, к которому попало несколько ее стихотворений²⁴. Из этого кружка вышли такие поэты, как Сергей Антонов, Сергей Орлов, Сергей Воронин²⁵. Рождественский очень ценил Знамеровскую как поэта. В своих воспоминаниях Знамеровская отмечает, что «Рождественский, — пишет она, — мне как-то сказал, что я самая талантливая из поэтов его кружка...»²⁶ Когда, поступив в аспирантуру, она объяснила ему, что выбрала науку, а стихи останутся ее «личным делом», он очень сожалел об этом и признавался: «Это очень грустно — жить и знать, что рядом живет такой поэт, как вы, обреченный себя на дилетантство. С вашими данными вы могли бы занимать в поэзии примерно такое место, как Баратынский в пушкинские времена...»²⁷ В Рукописном отделе РНБ в фонде Т. П. Знамеровской хранятся письма Рождественского

²² Там же. С. 377.

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Там же. С. 387.

²⁵ Там же. С. 388.

²⁶ Там же. С. 388.

²⁷ Там же. С. 389.

Знамеровской, в которых он с большой похвалой отзывается о ее поэтическом даре и стихах²⁸.

В-четвертых, ей, недолюбливавшей современное искусство, и посвятившей свою жизнь изучению искусства Возрождения и раннего Нового времени, эстетика и семантика творчества Шекспира были духовно очень близки. Имеются в виду шекспировские сожаления о быстротечности жизни и ее противоречивости («Вглядиись во все, чтобы любить сильней То, что

Т. П. Знамеровская.
Ленинград, 1962 г.

умчит поток ближайших дней» (сонет 73), «Я так устал, что рад бы смертной мгле, Да друга жаль оставить на земле» (сонет 66), «Но даже в счастье кто не суеверен? Ведь я могу не знать, что ты не верен» (сонет 92)), восхваления любви как основы жизни («Но я пишу лишь о тебе, любовь. Любовь и ты — вот тема для меня» (сонет 76), «Но если б ты лишь мой челнок разбил, Конец любви концом бы жизни был» (сонет 80), «Богатств дороже для меня любовь, Милей собак и лошадиных морд, Бесценнее, чем герцогская

кровь» (сонет 91), «Ничто весь мир, вселенной бытие, Раз нет тебя; в тебе лишь все мое» (сонет 109)), способность на жертву материальными благами ради чувства любви («твоя любовь единственно ценна. Мне участь принцев больше не нужна» (сонет 29)), рассуждения об иллюзорности и обманчивости видимого мира («Таится муть в игре фонтанных струй, Шипы на розах, в зелени червяк» (сонет 35)), о сложности страсти, сопряженной

²⁸ Эти письма частично опубликованы в издании: Знамеровская Т. П. Воспоминания и лирика (Любовь и жизнь. Стихи). С. 170–173.

со страданиями ревности и ожидания свидания («То страсть моя, покой мой погубя, Велела мне без отдыха и сна Стоять на страже около тебя» (сонет 61), «О знаю я, что мне не избежать, Тебя имея, за тебя дрожать» (сонет 64)), преклонение перед литературным слогом и поэзией, перед которыми бледнеют изобразительные искусства и сама реальность, утверждение способности поэзии вступить в противоборство со временем и победить его неотвратимый бег («Но времени на зло, твоих ланит Румянец свежий стих мой сохранит» (сонет 60)... «Так я тебя в тончайшие духи Перегоню и заключу в стихи» (сонет 54), «Бессильны мы пред временем. И все ж Моих стихов настойчивая речь Застыть на век заставит этот нож, чтобы не мог он памяти пресечь О том, кого люблю и образ чей Я с ритмом слил рифмованных речей» (сонет 63), «Одним чернилам сохранить дано Луч красоты, угаснувшей давно» (сонет 65), «Все ж лучшее, что мне дано судьбой, В моих стихах останется с тобой» (сонет 74), «Мой стих — тебе бессмертный монумент; Вниманье остановит он людей, Рожденный чьих не наступил момент, Чьи жизни в даях не наставших дней» (сонет 81), «И памятник твой будет в тех стихах, Когда тиранов бронза рухнет в прах» (сонет 107), «Твердыни башен, памятников медь Не смогут пережить певучих строф» (сонет 55)).

И все это облечено в стройную, классическую, почти кристаллическую, форму сонета! Что вносит в рождающееся у читателя представление о мироощущении и характере автора стихов чувство присутствия во всем его железной воли...

Таким образом, несмотря на то, что сонеты Шекспира на настоящий момент уже неоднократно переведены разными авторами, надеемся, что переводы Т. П. Знамеровской займут достойное место среди других. А поклонникам личности Знамеровской они помогут многое раскрыть и понять в ней самой...

В процессе подготовки переводов к изданию выяснилось, что в экземпляре из архива В. А. Булкина нет страницы 10. В хранении же Рукописного отдела Российской национальной библиотеки обнаружилось две копии этой страницы, печатавшейся,

как и все остальные материалы, на машинке под копирку. Достаточно тонкие и наэлектризованные от копирки, они случайно склеились друг с другом и не были разобраны автором по разным папкам. Этот трогательный случай только лишний раз напомнил, насколько обычно Т. П. Знамеровская была аккуратна и строга со всеми своими материалами.

Выражаю сердечную признательность за помощь и содействие в издании рукописи племяннице Т. П. Знамеровской — Наталии Борисовне Знамеровской, вдове хранившего доверенные ему автором рукописи В. А. Булкина — Татьяне Николаевне Лариной, в свою очередь передавшей эти рукописи нам для их опубликования, ученикам Знамеровской — за неподдельный интерес к ее творчеству! Моей семье — за терпение и поддержку.

* * *

Мы оставили переводы в том порядке, в каком они идут в рукописи Знамеровской. Один сонет из сборника «Страстный пилигрим» помещен ею в разряд стихов Шекспира, остальные стихи из этого сборника идут как стихи неизвестных поэтов, приписанные Шекспиру. Мы не знаем, специально ли это было сделано Знамеровской или это случайность. Если специально, вероятно, она считала этот сонет принадлежащим лично Шекспиру.

СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

вошедшие в сборник
«Страстный пилигрим»,
изданный в 1599 г.
под именем Шекспира

* * *

В тени лесной, весной опьянена,
Киприда на Адониса черты
Смотрела нежно, как смотреть одна
Умеет королева красоты.
Сплетала упоительный рассказ,
Опутывавший сердце, точно нить,
И негой поз, ласкающую глаз,
Старалась непорочность соблазнить.
Виновна ль в том была незрелость лет,
Его невинность, холод ли сердечный,
Но, не клюя приманку, ей в ответ
Смеялся он, наивный и беспечный.
 Легла пред ним богиня, наконец.
 А он? Бежал. Бесчувственный глупец!

* * *

Едва лишь солнце, осушив росу,
Согнало в тень под изгородь стада,
Влюбленная Киприда вновь в лесу,
У ручейка, где любит иногда
Прозрачную и свежую волной
Адонис смыть хандру свою и лень.
В глазах богини — ожиданья зной,
Перед которым меркнет летний день.
Вот он приходит, сбрасывает плащ,
Совсем нагой стоит он у ручья,
Богини взгляд, томительно-палящ,
Следит за ним, желание тая.

Но он нырнул, чтоб скрыться от очей
Она же вслед: «Зачем я не ручей!»

* * *

Поутру от желания тоски

.....

Бледней, чем собственные голубки,

Казалась Королева Красоты.

Увидела с холма: с колчаном стрел

Адонис шел с собаками и горном;

И крикнула, чтоб он бродить не смел

По тем лесам и по тропинкам горным.

Здесь дикий вепрь, ужасен и велик,

На юношу напал в былые дни,

Изранив страшно и вонзивши клык

Ему в бедро. — Как раз сюда, взгляни! —

Он не одно бедро б увидеть мог,

Но, покраснев, со всех умчался ног.

* * *

Та, что люблю, нежнее голубка,
Но верность в ней напрасно б вы искали;
Светлей стекла, но, как стекло, хрупка;
Мягка, как воск, и все же тверже стали.
 Так лилией белила из Дамаска
 Не могут стать, хоть сходна их окраска.

К моим губам, пленителен и ал,
Нередко рот любимой прижимался,
Признанья с поцелуями сливал,
Шептал мне сказки нежные и клялся.
 Но вновь я убеждался с болью жуткой,
 Что капли слез и клятвы были шуткой.

Страсть, как солома, в ней воспламенима,
Но в миг сгорит, оставив струйку дыма;
Воздвигнув дом, сама же и разрушит;
Взрастив цветы, срывает их и сушит.
 Влюбленная ль, распутная ль блудница?
 В ней даже в лучшем худшее таится.

* * *

Бутон увядший, сорванный до срока!
Иссякших струй невозвратимый плеск!
Зеленый колос, скошенный жестоко!
Жемчужина, утратившая блеск!
 Как сливу несозревшую сорвал
 Тебя с ветвей холодной смерти шквал.

Ах, о тебе не плакать нету сил!
Пусть позабыт в твоей духовной я,
Оставила ты больше, чем просил
На память мне, любимая моя,
 Ведь я молил простить меня вполне,
 Ты же недовольство завещала мне.

* * *

Старости с весельем юным не ужиться;
Старость — для заботы; юность — для игры;
Старость, как зима, кашляет и злится;
Юность рвет с ветвей летние дары.
Юность — пыл утех; старость — мертвый снег;
 Юность — свет; старость — тьма.
Юность — сгусток сил, резвых ног разбег,
 Старость же бессильна и хрома.
Старость, ты ужасна! Юность, ты прекрасна!
 О, любовь моя юна!
Старость — сон унылый. Ах, пастух мой милый,
 Торопись, пока весна!

* * *

Ночных часов медлительность кляня,
Не ведая ни отдых, ни покой,
Я устремляю в ожиданьи дня
К востоку взгляд, пылающий тоской,
И славящего сумрак соловья
Сменить бы рад на жаворонка я.

Ведь о заре сияющей и ясной
Принес бы трелью жаворонок весть
И я б опять отправился к прекрасной
В надеждах день у ног ее провесть,
Пока вздохнув, она протянет руку,
Вновь осудив до завтра на разлуку.

С ней ночь была б минутою одной,
Теперь же ночь томительна, как год.
Ах, сжался, солнце! Хоть не надо мной, —
Ведь ждуд цветы, поникнув, твой восход.
О милый день, часы заняв у ночи,
Длиннее стань и сделай ночь короче!

ШЕКСПИР

Песня

Как-то раз весною, — да,
Для любви ведь май всегда, —
Ты, что всех ему милей,
Видит юный среди полей
(Ветер в листьях взмахом крыл
Для него просвет открыл).
И, желаньем опьянен,
С томным вздохом шепчет он:
«Ах, счастливый ветерок, —
Он твоих коснулся щек,
Я ж поклялся», — тяжкий стон, —
«Что не трону твой бутон.
Но забудь о клятвах ты:
Юность склонна рвать цветы.
Гера в тоге голубой
Эфиопка пред тобой.
Тут и Зевс с огнем в крови
Стал бы смертным от любви!»

Феникс и горлица

Вот Аравии трубач,
Повелитель чистых крыл,
Звонкою песнею открыл
Погребальный скорбный плач.

Ты ж, угрюмый точно ночь,
Мрачный дьявола гонец,
Всем пророчащий конец,
Ты лети отсюда прочь.

Хищным птицам запрещен
Доступ к тем похоронам,
Лишь орел допущен к нам, —
Зорким стражем будет он.

Смерти чующий приход,
Лебедь в белом стихаре
Нам на розовой заре
Грустный реквием споет.

Ворон, ты, чьей жизни путь
Длится долгие года,
Ты, что в трауре всегда,
Ныне плакальщиком будь.

Хору гимн начать пора.
Мертвы верность и любовь!
Феникс с горлицею вновь
Не воспрянут из костра.

Кто с огнем умчался в высь,
Тех вернуть не суждено.

В нераздельное одно
Двое в пламени слились.

Здесь бессильна власть рассудка, —
Двое их, но так слиты,
Что меж ними нет черты,
Расстоянья, промежутка.

Лишь лучи любви меж них
Свет немеркнувший струят.
Каждый жизнь, и дух, и взгляд
Растворил в глазах других.

Каждый раб и господин,
Тот же самый и не тот,
Кто слиянье их поймет?
В нем не два и не один.

Должен здесь смущенный разум
Отвечать не хитрой речью,
А принять противоречье
Просто, полностью и сразу.

Сердцем верь, не головой:
Полны истины слова,
Что одним бывают два,
У любви ведь разум свой!

Славим жизнь и смерть вдвоем!
Славим верные сердца!
О величьи их конца
Гимн надгробный пропоем.

Надгробный гимн

Верность, нежность, красота,
Цельной страсти простота,
Двух влюбленных птиц мечта, —

Ныне пепел, прах, зола.
Смерть гнездо для них свила,
След их в мире замела.

Нет птенцов, любви плода.
То не немощи беда, —
Целомудрия, стыда.

Мертвы верность с красотой;
Тщетно их искать мечтой, —
Встретишь тень, обман пустой.

Те, чья верность без границ,
Пусть придут склониться ниц
Перед урной с прахом птиц.

Из сборника «Страстный пилигрим»

1

Не твой ли взор риторикой своей,
Против которой аргументов нет,
Вина клятвопреступности моей?
Не для тебя ль нарушил я обет?
От женщины отречься клятву дав,
В тебе богиню вижу и люблю,
И знаю, что, тебя завоевав,
Свою вину и грех свой искуплю.
Слова обета — лишь дыханья пар;
Его коснулся пламенный твой взгляд
И, солнца не выдерживая жар,
Растаял он. В том я ли виноват?

А если я, то кто бы клятвы честь
По глупости мог раю предпочесть?

Во имя верности неверным клятве став
И для любви презрев бесчестия угрозы,
Клятвопреступник я, но пред тобой я прав;
Намерений дубы сгибаешь ты, как лозы.
О, книгу изучи, взглядишь в ее листы,
Где в честь тебя слова похвал сплетают сеть,
И если лишь одну ученость ценишь ты,
То ведь ученей всех, кто смог тебя воспеть.
Невежды пред тобой восторгом не объята,
Я ж в праве гордым быть, что восхищен тобой:
Твой взгляд — как молния; твой голос — гроз раскаты,
Безгневный вешний гром в лазури голубой.
 О как пред красотой небесною мелка
 Хвала бессильная земного языка!

Любовная жалоба

Пещера, — скал разверзшееся чрево, —
Удваивая жалобу долин,
Реки соседней вторила напевам.
Чтоб им внимать, спустился я с вершин.
Но оказалось, был я не один:
Там дева омрачала дня лазурь
Ветрами и дождем сердечных бурь.

Соломенная шляпа от лучей
Ее скрывала бледные черты,
В которых взгляд внимательных очей
Отметил бы остатки красоты,
Увядшей от страстей, от суеты,
От горя ли, но только не от лет.
Как бы сквозь сеть проглядывал их след.

Прижав платок к заплаканным глазам,
Давала, безутешная, она
Струиться нескончаемым слезам
На вышитые шелком письма
И иногда, отчаянья полна,
Читала их, и заставлял их вид
Ее опять расплакаться навзрыд.

Порою в небеса впивался взгляд
И стрелы возмущения метал;
То, проливал, поникнув, горький яд
На землю он, беспомощно-устал;

То, заблудившись, над землей витал,
Надолго не прикован ни к чему
И видящий повсюду только тьму.

Спускалась с плеч небрежно между тем
Ее волос растрепанных волна,
Хотя и не распущена совсем,
Но и тугой косой не сплетена;
Удерживалась сеткой прядь одна,
Другая вырывалась и смелей
Вилась из-под соломенных полей.

И из корзинки ивовой, где ларь,
Стоял, блестя узорною резьбой,
Она бросала жемчуг и янтарь,
И яхонты в поток перед собой.
И влагу слез с той влагой голубой
Мешала расточительно, как тот,
Кто богача повысил бы доход.

Исписанные свитки, разорвав,
Отбрасывала гневная рука,
И золото колец, и странный сплав
Причудливых браслетов, и слегка
Испорченные временем шелка.
Здесь в надписях любой предмет хранил
Следы резца, иль крови, иль чернил.

Перечитав из них иные вновь,
Она рвала их, сдерживая дрожь,
Шепча: «Навек тебе проклятье, кровь,

Скрепившая предательскую ложь!
Ты чернотой чернила превзойдешь».
Что надо пережить, переболеть,
Чтобы любви реликвий не жалеть!

Старик почтенный пас вблизи стада,
Был в юности повесой праздным он,
Но молодость промчалась без следа
И в глушь он скрылся, жизнью утомлен.
Он подошел, услышав девы стон,
И, пользуясь правами старика,
Задал вопрос, о чем ее тоска.

На землю сел, беспомощен и слаб,
Свой тихий вздох с ее рыданьем слив,
И вновь сказал, что облегчить могла б
Она печаль, ее с ним разделив.
И если был услышан тот призыв,
Причина в том, что часто седина
Для юных обаяния полна.

«Отец», — она сказала: «Пусть пора
Осенних бурь смела мою красу,
Вы думать не должны, что я стара.
То скорби груз, который я несу,
Согнул меня, как слабый ствол в лесу.
Была б еще прекрасна и свежа,
Я, лишь к себе любовью дорожа.

О горе мне! Манящий кубок яда
Я рано осушила до конца.

Но кто из дев не приковал бы взгляда
К чертам меня пленившего лица?
Любовь искала для себя дворца
И, поселившись в облике его,
Смогла свое удвоить торжество.

Его кудрей коснуться каждый случай
Использовал крылатый ветерок,
Припав к их прядям ласкою летучей,
И, не скупясь на звучность слов и строк,
Твердили вслух невинность и порок,
Что в уменьшенном виде в нем слиты
Все совершенства райской красоты.

Темневший пух, — предтеча зрелых дней, —
Чуть подбородок дымкою облек
И шелка драгоценного нежней,
Лишь оттенял он нежность юных щек.
Милее с ним казался он еще,
Хотя вопрос и был неразрешим
Прекрасней без него он или с ним.

Он не одной был внешностью хорош, —
Умел краснеть и скромным быть, как дева,
Но в бешенстве за шпагу или нож
Хватался он, охвачен бурей гнева,
Лесть сильным мира, слов их перепевы
Он презирал и ум пленял простой
Открытою и дерзкой прямою.

Непревзойденным всадником он был
И часто говорили знатоки,

Что конь под ним удваивает пыл,
Горд властью благороднейшей руки.
Какой аллюр, и вольты, и прыжки!
О, было не решить, — искусства честь
За счет коня иль всадника отнестъ.

Но вскоре на одном сходились все,
Что придает и жизнь и прелесть он
Всему, что служит рамкою красе,
Всему, чем он случайно окружен.
Все, что одной хотя бы из сторон
На миг соприкоснуться с ним могло,
Его лучей отсвет приобрело.

Так остр и меток был его язык,
Что перед ним и логика сама
Теряла силу, иссякал родник
Всех доводов и сердца и ума,
Свет мраком становился, светом — тьма,
И все людей сужденья он ловил
В ту сеть, что тонким красноречьем свил.

Так не могли ни молодости жар,
Ни старости зима, ни оба пола
Не стать рабом под властью этих чар
Его затей, капризов, произвола.
Та власть сердец без счета поборола
И сколько глаз невинных без стыда
Заранее ему шептало «Да!»

Ах, многие, достав его портрет,
Им опьяняли и мечты и взгляд,

Как те глупцы, что полюбили свет
Лишь стран чужих и ревностно хранят
Их планов, карт, изображений ряд,
Заботу уделяя тем местам
Гораздо больше, чем живущий там.

И многие, кто даже испытать
Его прикосновенье не могли,
Мечтой его возлюбленными стать
Свое воображенье тайно жгли,
Что ж странного, что, вырвав из земли
Девичьего покоя стебелек,
Он и мои мечтания увлек?

Но я была упряма и горда,
Я страсть ему свою не выражала,
Я твердо щит и чести и стыда,
От нападения спрятавшись, держала.
Рассудок крепостей воздвиг не мало,
Но лишь затем, чтоб сдачей рубежей
Повысить вес побед и грабежей.

Кто опытность способен почерпнуть
Из гибели других? Кто в страхе бед
Откажется вступить на скользкий путь,
Где чудится манящий счастья свет?
Кто не сочтет разумнейший совет
Попыткою из зависти украсть
Те наслажденья, что сулит нам страсть?

И не обидна ль кажется для нас
Та мысль, что мы послушались других,

Хотя бы нас и в самом деле спас
От горьких испытаний опыт их?
О, здравый смысл пред страстью слаб и тих.
Пусть шепчет он: — здесь гибель! — все равно
Мы пробуем запретное вино.

Узнала вскоре я, что был он лжив,
Был развращен, и ветрен, и опасен,
Что всход семян, посеянных им, жив
В чужих садах, и что в сплетеньи басен
Искусен он не меньше, чем прекрасен;
Что изменял он, в верности клянясь,
Честь дев и женщин втоптывая в грязь.

Я укрепила знаньем тем преграду
Меж сердцем и желаньями. Мой форт
Казался неприступным. Но осаду
Он начал сам, настойчив, смел и тверд.
Он говорил: «Твой взор суров и горд,
Но сжался и поверь мне, что с мольбой
Склоняюсь я пред первою тобой.

Не велика измен моих вина, —
Ошибка в них не сердца, а крови.
Ту, что идет, желанием пьяна,
На стыд, ища паденья, не любви,
Ту жертвою обмана не зови.
Здесь каждый виноват и каждый прав,
И путь и цель сознательно избрав.

На пир любви бывал я зван не раз,
Но никого ни разу сам не звал,

И до сих пор ни выраженье глаз,
Ни алый рот, ни нежных щек овал
Внимание мое не приковал.
Пленял сердца, но сам не ведал боль
И царствовал над ними, как король.

Взгляни сюда: роскошнейшую дань я
С них получал без счета, без конца.
Вот в белизне жемчужин след страданья
И бледный цвет печального лица,
В рубинах — жар, сжигающий сердца,
И в изумрудах душ невинных страсть
Еще не павших, но готовых пасть.

А вот, смотри, — плетенье из волос,
В которое влюбленность вплетена.
Чтоб не отверг дары я, сколько слез
С мольбою проливала не одна,
Добавив к ним, смятения полна,
Чтоб увеличить блеск и ценность их,
Признанья в прозе иль искусный стих.

Вот бриллиант. Он светел, тверд и чист.
Не мало свойств таит его кристалл.
А вот для глаз целебный аметист,
Сапфир небесно-синий, нежный лал
И сходный с лунным отблеском опал.
На каждом сил таинственных печать,
Их надо лишь понять и различать.

Но всех этих трофеев дорогих
Я сохранил, как видишь ты, не мало,

Лишь для того, чтобы скопление их
Со мною вместе той принадлежало,
В ком счастье, жизнь, конец мой и начало.
Тебе, любви святому алтарю,
Я ныне их с молитвою дарю.

О положи, как будто на весы,
Мои дары на нежную ладонь.
Взвесь цену их сверкающей красы,
Рукой любое из сокровищ тронь, —
Ты чувствуешь, таится в них огонь.
Он множество сердец страстями сжег,
Но страсть к тебе — их сумма и итог.

Вот эту вещь монахиня сплела,
Прослышавшая святой в монастыре
За строгость жизни. Раньше без числа
Она сердца пленяла при дворе.
Но светской жизни суетной игре
Уединенье предпочла, в тиши
Отдав Христу нетронутость души.

Ах, дорогая, трудно ли отдать
Дары, к которым безразлична страсть,
Плясать под легкой ношей, обуздать
Желанья неоформленного власть?
Спасает тех, кто скрылся, чтоб не пасть,
Отсутствие на поле шумных битв,
Не сила их, не святость их молитв.

Не хвастовство в призваниях моих, —
Я правду не прикрашиваю зря.

Она, меня узнавшая на миг,
Земной любовью в первый раз горя,
Бежать хотела из монастыря.
Для всех соблазнов запершая дверь,
Быть соблазненной жаждала теперь.

О, в истину поверь моих речей!
Из всех сердец разбитых струи слез
Фонтанами вливались в мой ручей.
Я их тебе, мой океан, принес,
Чтоб необъятный твой простор возрос
И слез поток, любви и жара полн,
Согрел бы холод океанских волн.

Очаровать монахиню я смог,
Святую, презирающую свет,
Бежавшую от жизненных тревог,
Но для меня забывшую обет.
Пойми ж мою любовь, где места нет
Для клятв и уз, где жизнь и смерть слиты,
Раз ты — весь мир и мир весь — только ты.

Где ты царишь, там заповедь мертва,
Там правил нет. Когда зажжешься ты,
Как холодны покажутся слова
О чести, долге, власти красоты!
Любовь сильнее рассудка, дум, мечты,
Боль, радость, слабость, силу, гордость, стыд
Она в себе вмещает и таит.

Всех тех сердец, что в жизни я разбил,
Рыдания слились в единый стон,

Чтоб он мое моленье углубил,
К тебе одной со страстью устремлен,
И, осадив твой гордый бастион,
Заставил недоверчивость твою
Внять клятвам тем, что ныне я даю».

Так он сказал. Склонились взоры ниц,
Сомкнулся уст алеющий цветок
И слезы вдруг закапали с ресниц.
Сиял сквозь них сияющий поток
Нежнейшими тонами пламень щек.
О, кто без восхищенья б созерцал
Огонь сквозь воду, розу сквозь кристалл?

Но чар неодолимых целый ад
Скрывается в малейшей капле слез!
Под действием воды не устоят
Ни берег каменистый, ни утес.
Слеза страшней упреков и угроз, —
Погасит гнев горящий, но мечты
Зажжет в снегах холодной чистоты.

Пусть взгляд солгал и лгали звуки слов,
Но растворил мой разум он в слезах.
Я белый целомудрия покров
Отбросила, забывши стыд и страх,
И наши слезы слили мы, но, ах
Его слеза отравой была,
Моя ж ему лишь силы придала.

Причудливые формы принимал
В нем хитрый и расчетливый обман.

То он бледнел, как мрамор, то пылал,
То застилал глаза его туман
И он рыдал, измучен болью ран,
То убеждал, то задавал вопрос,
И много принимал трагичных поз.

Какое сердце справилось бы с ним
И разгадать имело б тонкий дар,
Что не был он ни добрым, ни ручным,
Что нанести готовился удар?
Из хитрости он даже прятал жар
Своих страстей, для обольщенья дев
Личину целомудрия одев.

Так дьявола нагого он прикрыл,
Меняя маски и одежды эти,
Неопытность маня сияньем крыл,
Как херувим, паря в небесном свете.
Кто, юн и прост, избегнул бы те сети?
Увы! Я пала. И должна признать,
Что с радостью я пала бы опять.

О этих глаз пленительная ложь!
О власть его улыбки, вдоха, слова!
О мнимых чувств и мнимой боли дрожь!
О, дева обольщенная готова
Хоть раз быть обольщенной им снова!
Он вновь, шепнув ей: «прошлое забудь»,
Обманутую мог бы обмануть!»

СОНЕТЫ

1

Прекрасное должно продолжить род,
Чтоб роза красоты не умерла.
Она, созрев, печально опадет,
Но вот опять в бутонах расцвела.
А ты, к себе лишь приковавши взор,
Свой обрываешь собственный цветок;
Ты враг себе, своих сокровищ вор,
Ты сам к себе безжалостно жесток,
Ты — украшенья мира, как цветы,
Весны роскошной сладостный призыв,
Но радости свои погубишь ты,
Из скупости себя опустошив.
Несчастный мир, коль красоте твоей
Дано цвести для смерти и червей.

Сороковой зимы суровый плуг
Избороздит красы твоей поля
И там, где свежий расстился луг,
Чернеть начнет бесплодная земля.
Тогда тебе не избежать вопрос:
Где те дары, что жизнь тебе дала?
Напрасны будут стыд и капли слез,
И прошлому ненужная хвала.
Иной хвалы удел твой стоить мог,
Когда в ответ сказал бы гордо ты:
«Мое дитя — мой жизненный итог».
В нем ожили б красы твоей черты!
И согревало б это вновь и вновь
Твою уже дряхлеющую кровь.

В свое лицо взглядишь в стекле зеркал, —
Его красою сам себя ты манишь.
Возобновить его твой час настал,
Иначе ты бесчестно мир обманешь.
Где лоно той, что в цвете юных сил
Твою презрело б вспашку, семя, плод?
Где тот, кто смерть настолько полюбил,
Чтобы пресечь безжалостно свой род?
Ты — зеркало для матери, портрет,
В котором жив апрель ее весны.
Так мог бы ты в окно преклонных лет
Узреть весну и молодости сны.
 Но, не оставив память за собой,
 Умрешь один и образ твой с тобой.

Дар красоты твоей бесцельно скрыт;
Он как алмаз во мгле глубоких недр.
Природа в долг дает, а не дарит.
Она щедра и любит тех, кто щедр.
Скупец прекрасный, можно ли лежать
Сокровищам, их ценностью не жить?
Как ростовщик, ты хочешь лишь стяжать
И сундуки с добычей сторожить.
Кто лишь с собой намерен торговать,
Тот прибыли, поверь, не извлечет.
Когда на суд природа будет звать,
Какой же ты предъявишь ей отчет?
Использовать не хочешь красоты?
Ее на смерть с собой осудишь ты.

Часы, которых плодотворный труд
Создал красу, ласкающую взгляд,
Не сами ли они ее сотрут?
Они в себе предательство таят.
Ведь их незамедляющийся бег
К зиме суровой лето приведет,
Покроет землю леденящий снег,
Замерзнут лозы, зелень опадет.
И тот цветок, чей ароматный сок
В плену стеклянных стен не заключен,
Осыпался бесследно и засох,
На темное забвенье обречен.
 Цветок, в духи перегнаный сперва,
 Утратил вид, но суть его жива.

Пусть пощадит тебя зимы рука,
Пока твой сладкий не перегнан сок.
Наполни склянку светлую, пока
Не облетел последний лепесток.
Не лихоимство низкое, о нет,
Проценты взять, но счастьем одарить
И, породив свой собственный портрет,
Себя в десятке копий повторить.
Счастливей в десять раз возможность быть
Собою не один, а десять раз.
Бессильна смерть, когда ты будешь жить
В десятке улыбающихся глаз.
 Пойми же сам, — прекрасен слишком ты,
 Чтоб червь лишь был наследник красоты.

Вот юное светило в утра час
Сверкающую подняло главу
И с восхищеньем отмечает глаз
Его лучистый путь сквозь синеву.
И даже днем, в разгаре зрелых лет,
Поднявшись до вершин небесных гор
И огненный развертывая след,
Оно людской приковывает взор.
Когда ж с высот оно направит вниз
Своей усталой колесницы путь
И он во тьме над старостью повис, —
Внимания былого не вернуть.
 Так, если путь твой не продолжит сын,
 Ты скатишься с полуденных вершин.

Ты — музыка для слуха. Почему же
Она и ты — как будто два врага?
Прекрасный звук с прекрасным звуком дружен,
Для радостного радость дорога.
Но слух тебе упреком расколело
Слиянье нот гармонией в аккорд
Лишь потому, что сам поешь ты соло,
Других презрев, бесчувственен и горд.
Струна с струной в союзе ищут силы,
Напев они в согласьи строгом льют.
Так мать, отец и их ребенок милый
Созвучно песнь в три голоса поют.

И в песне той без слов тебе упрек:
Бессилен тот, кто в жизни одинок.

Страшишься ль ты в итоге нежных уз
Вдове оставить безутешность слез?
Но берегись, чтоб красоту, как груз,
Сквозь жизнь ты бесполезно не пронес.
Весь мир оплачет, став твоей вдовой,
Той красоты оборванную нить.
Ведь мужа образ, милый и живой,
Вдова могла б в ребенке сохранить.
Что миру щедрость отдает сердец,
То в нем живет и вечно радость множит.
Но скряга алчный красоты конец,
Храня ее без пользы, не отложит.
 Так никого не любящий таит
 В груди своей самоубийства стыд.

Ты, без любви берущий дань сердец,
Лишенный к самому себе заботы,
О устыдись, опомнись, наконец,
И докажи, что любишь ты кого-то.
Себя же ненавидя без границ,
Ты гибели своей сплетаешь нить,
Раз крышу ты лишаешь черепиц,
Которую ты должен бы чинить.
Так изменись, чтоб изменить мой суд!
Ужель жилище зла такая грудь?
Пусть облик твой и сущность совпадут.
Хоть сам к себе заботливее будь.

Тебя молю я именем любви, —
Свою красу любовью обнови.

Ты будешь увядать, но юность вновь
В цветущих детях жизнь твою согреет
И отданную им когда-то кровь
Назвать своею сможешь ты, старея.
В том жизни смысл, разгадка красоты,
Иначе увяданья страшен час.
Когда бы поступали все, как ты,
Через полсотни лет бы мир угас.
Пускай уж тот, к кому скупа была
Рука природы, отцветет бесплодно.
Кому ж она так щедро все дала,
Размножить дар обязан благородно.
Природы цель, чтоб, как печать ее,
Ты оттискам давал бы бытие.

Когда, часов отсчитывая бой,
На день, пред ночью меркнувший, взгляну,
Цветок увядший вижу пред собой
Иль в соболиных кудрях седину;
Когда листва исчезнет на дубах,
Дававших тень стадам в полдневный зной,
И зелень лета, связана в снопах,
Лежит, как труп с колючей бородой;
Тогда я втайне мыслю о тебе:
Сквозь время красоту не пронесешь.
Она, как все, послушная судьбе,
Узнает разрушенья боль и дрожь.
 И лишь живущий в детях смерти ночь
 С презрением способен превозмочь.

О лишь пока живешь ты здесь, любовь,
Тебе дано себе принадлежать.
К грядущему концу себя готовь,
Спешу другим свой образ передать.
Контракта на аренду красоты
Пусть сроки у тебя не истекут.
Ты возродишься вновь, когда черты
Твоей красы в потомстве расцветут.
Разрушит ли рука твоя сама
Тот дом, который должен быть храним,
Чтобы бессильны ветры и зима
И холод смерти были перед ним?
 Не становись ни мотом, ни скупцом,
 Отца имел ты. Сыну будь отцом.

Я, правда, астрономии не чужд,
Но не у звезд сужденья вырвал дар.
Не отгадаю ни удач, ни нужд,
Ни град, ни дождь, ни засух знойный жар.
Минут коротких точную судьбу
Не укажу, определив их путь.
В могучих принцев тайную борьбу
Я не могу предвиденье вдохнуть.
Но знанье из твоих извлек очей,
Что истина с сияньем красоты
Сольются в освежающий ручей,
Когда любви откроешь сердце ты.
Иначе, знаю, в твой последний час
Свет истины и красоты б угас.

Когда я мыслю: к высям красоты
Творенье лишь на миг приводит рост
И видим мы лишь внешние черты,
Скрывающие повеленья звезд;
Когда я вижу, что подобен всяк
Растению на жизненном пути, —
Цветет, чтоб после юный сок иссяк,
Чтоб, не оставив память, отцвести;
Тогда опять я помню о тебе:
Встает твой образ в блеске красоты,
Но время с ней в безжалостной борьбе,
Клоня твой день к унынью темноты.
И, с временем в борьбе, моя любовь,
Что взято им, вернуть стремится вновь.

Но почему, не тратя даром дней,
Чтоб кровожадность Времени пресечь,
Не защитишься средствами сильней,
Чем этих рифм беспомощная речь?
О сколько дев с невинным вождельем,
Как сада невозделанного цвет,
Взрастить твою готовы повторенье,
Тождественное больше, чем портрет!
Черты, которых красота полна,
Искусством до конца не передашь.
Их повторить способна жизнь одна,
Бессилен здесь мой робкий карандаш.
 Себя отдав лишь, можно уцелеть.
 Спеши же сам свой лик запечатлеть.

Что точен мой тебя воспевший стих,
Кто мне поверит через много лет?
Он, как могила, будет мертв и тих,
Скрывающая призрачный твой след.
И если б даже, красочен и жив,
Твоей красы он начертал границы,
Все б думали: «Старик болтливый лжив, —
Так совершенны не бывают лица».
В забытой книге выцветут слова
И красоты сверкающей такой
Бесславно ограничатся права
Лишь старой песни вычурной строкой.
 Но если б правнук жил, двойным огнем
 Она б горела и в стихе и в нем.

Могу ль тебя сравнить я с летним днем?
Ведь ты его прекрасней и теплей:
Обилен май и ветром и дождем
И краток срок цветения полей.
Порою высь скрывает туч гряда
Иль небо, раскалясь, слепит наш взгляд:
Под властью лет, случайно ль иногда,
Но красота теряет свой наряд.
Твое же лето вечно будет цвести
И смерть на красоту не посягнет,
Когда о ней восторженная весть
Навеки в ритм бессмертных строк врастет.
 Покуда род людской на свете жив,
 Жить будут строки, жизнь твою продлив.

О Время, когти притупи у льва,
Ростки земли весной не оживи,
Пусть не растут ни звери, ни трава,
Погибнет феникс в собственной крови.
К лучам весны или в осенней мгле
Свой быстроногий направляя бег,
Твори, губи, что хочешь на земле,
Один тебе я запрещаю грех:
Пусть пощадят любимого года,
К лицу не прикоснется твой резец,
Чтоб для людей осталась навсегда
Его краса, как дивный образец.
 Когда ж смягчить тебя я не смогу,
 Его я юность в песнях сберегу.

Имеешь ты прекрасный лик девичий,
О госпожа и господин мой сразу.
Но есть от женщин ряд в тебе отличий:
Ты в сердце не таишь измен заразу;
Твой взор светлей и в нем лукавства нет,
Все золотит его прикосновенье.
Для глаз мужчин ты — радость, блеск и свет,
Для женщин ты — гроза и наслажденье.
Тебя творя как женщину, природа,
Твоей красой сама пленившись страстно,
Добавила кой-что такого рода,
Что для меня бесцельно и напрасно.
 Что ж, — женщинам все вожделенья тела,
 Лишь сердце мне досталось бы всецело.

На музу ту я не похож, о нет,
Что, вычурных исполнена затей,
Спешит небес неповторимый свет
Сравнить с красой возлюбленной своей;
И, сопоставить гордо торопясь,
Описывает солнце, ночь, закат,
Достоинства любимой ставя в связь
Со всем, чем мир украшен и богат.
Нет, выдумкой мишурной не блестя,
В хвалах любви правдив я, строг и прост.
Как женщиной рожденное дитя,
Она светла, но не светлее звезд.
 К чему молва? Я лучше утаю
 Хвалу того, что я не продаю.

Нет, зеркала меня не убедят,
Пока ты молод, будто стал я стар.
Твое лишь увяданье, твой закат
Докажут мне, что жизни стынет жар.
Ведь оболочка сердца моего —
Лучи твоей чудесной красоты.
Ты — жизнь его, любовь и торжество.
Как я могу старше быть, чем ты?
Тебе отдал я сердце, но ношу
Твое в себе, свою заполнив грудь.
Над ним дрожу, как нянька. И прошу:
Отныне с ним небрежным ты не будь.
И даже мертвый из своей груди
Тебе я не верну его, не жди.

Как новичок-актер, что оробев
Застыл на сцене, реплику забыв,
Иль тот, чье горло сдавливает гнев,
Чьи силы взял неистовый порыв, —
Так я, испуган правдою, не смог
Облечь в слова любовный ритуал,
От страстного томленья изнемог
И под любви громадою упал.
О пусть тогда красноречивый стих,
Свидетель страсти пылкий, но немой,
Все передаст, что, немощен и тих,
Не выразил язык неловкий мой.

Слова любви безмолвной улови,
Внимай глазами голосу любви.

Подобен живописцу стал мой глаз, —
В моем он сердце создал твой портрет.
Я — рама. В ней без лести и прикрас
Правдивы краски, перспектива, свет,
Ты, сквозь искусство кисти погляди, —
Ведь им твой облик передан сполна.
Как в храме, он царит в моей груди.
Твои глаза — в том храме два окна.
Смотри, какую роль играет взгляд:
Глаза твои — как окна в грудь мою,
Сквозь них лучи полдневные скользят,
Я твой портрет их ласке отдаю.
 Но все ли в нем? Лишь видимость дана
 Глазам, души не знающим до дна.

Пусть хвастают, кто титулом высок,
Кто под звездой счастливою рожден,
Мне ж почестей и сана не дал бог
И выпавшим мне счастьем я смущен.
Надменные избранники владык,
Как ноготки, сверкают лишь в лучах,
Цветок без солнца гаснет и поник.
Так фаворит без милостей зачах.
И воина средь тысячи побед
Пусть лишь один постигнет неуспех,
Его деяний вымарают след
Из книги чести и из мыслей всех.

Но я люблю, любим и чужд борьбы,
Рождающей превратности судьбы.

Владыка мой, кому я, как вассал,
Всегда готов на верность присягнуть,
Я эти строки с целью написал
Твой ум почтить, а не своим блеснуть.
Но выразить восторг могу ли я?
Слова бессильно на пере повисли.
Пускай без слов понятливость твоя
Постигнет все живую силой мысли.
Иль добротой своей украсишь ты
Убогую, нагую эту речь
И в блеск тебя достойной красоты
Ее помогут звезды мне облечь.
Тогда служить любви смогу я ею.
До той поры беспомощно немею.

Усталый от труда, я лег в постель,
В изнеможеньи распростерлось тело,
Но вновь дневных событий карусель
В мозгу воображенье завертело.
Опять к тебе пустились мысли в путь,
Как пилигримы, ревностной толпой.
Не в силах век пылающих сомкнуть,
В глубокой тьме я видел, как слепой.
Фантазия, твою создавши тень,
Сумела расстоянье превозмочь
И, озарив тобой, в прекрасный день
Вдруг превратила сумрачную ночь.
 Так тело днем, а ночью мысль и взгляд
 Из-за тебя в движеньи и не спят.

Союз стихий могу ли превозмочь?
Вражда всех сил объединилась в нем.
Зной полдня облегчать должна бы ночь
И ночи мрак смягчаться светлым днем.
Они враги друг другу, но угрюм
Их заговор терзать меня в борьбе
Трудами днем, а ночью грузом дум,
Что не ведет мой труд меня к тебе.
Я им стремлюсь униженно польстить,
Твердя, что им лишь ты красой сияешь,
Беззвездный свод умеешь золотить
И солнце в день дождливый заменяешь.
 Но день со мной враждует ежедневно
 И еженощно ночь терзает гневно.

Когда, измучен горем и борьбой,
В немилости у рока и людей,
Я потрясаю купол голубой
Проклятьями и жалобой своей, —
Я зависти испытываю дрожь
Пред тем, чей путь — сплошная цепь удач,
Я на него хотел бы быть похож,
Чтобы забыть стенания и плач.
Но вдруг среди самопрезренья боли
Я вспомню о тебе — и тут же сам,
Как на рассвете жаворонок в поле,
Из сердца гимн взметнется к небесам.
Твоя любовь единственно ценна.
Мне участь принцев больше не нужна.

Когда, воспоминаньями объят,
На прожитое взгляды устремив,
Вздыхаю я о горечи утрат,
Былое горе с новой болью слив, —
Тогда друзей оплакиваю я
Безликой смертью стертые черты,
Бесплодные надежды бытия,
Любви забытой давние мечты.
И вновь тогда лишений и невзгод,
Прошедших мук, потерь и неудач
Оплаченный уплачиваю счет
И жжет ресницы выплаканный плач.

Но о тебе лишь вспомню, — и довольно
Награды той за все, что в прошлом больно.

Любовь моя, твоя бесценна грудь, —
В ней слита ценность множества сердец,
Всех тех, кого, казалось, не вернуть,
Раз жизни их положен был конец,
Как много преждевременных потерь
Оплакал я, тоскуя и любя,
И вот они, воскресшие, теперь
Живут в тебе, живут через тебя,
Ты — склеп. Среди трофеев дорогих
Былой любви в нем длится бытие
И все права возлюбленных былых
Здесь слиты в право вечное твое.
Их образы в тебе я нахожу
И так я весь тебе принадлежу.

Быть может, день намного пережив,
Когда земля мои останки скроет,
Воспоминаний грусть расшевелив,
Твоя рука забытый том откроет.

Иные песни принесут те дни;
Они, конечно, превзойдут мой стих,
Но строф моих напевы сохрани,
Из-за любви, не из-за рифмы их.

О если бы тогда подумал ты:
«С растущим веком он бы тоже рос
И лучшие поэзии цветы
Любви бы в дар, наверное, принес.

Пусть строк иных его затмила новь, —
Ценя в них стиль, я в нем ценю любовь».

Я видел много лучезарных утр,
Их взгляд ласкал луга, вершины, лес,
Все облакал в нежнейший перламутр
И золотил алхимией небес.
Но вдруг завесе недостойных туч
Давало солнце омрачить свой взгляд
И, запятнав обидой лик и луч,
Оно в тоске катилось на закат.
Так, силы торжествующей полно,
Мое светило блещет для меня.
И вдруг, увы, скрывается оно
Во мраке туч и меркнут краски дня.
 Но ждет любовь: вернется луч обратно.
 И на небесном солнце часты пятна.

Зачем сквозь дождь, хлеставший без конца,
На миг твоя сверкнувшая лазурь
Стремится лишь с поверхности лица
Стереть следы безжалостные бурь?
Ты позабыть хотел бы без труда
О том, как я грозой твоей избит?
Поверхностное средство никогда
Не исцелит ни раны, ни обид.
Напрасно, стыд скрывая и испуг,
Касаешься кровоточащих мест.
Раскаяньем не вылечишь недуг,
Не облегчишь обиды тяжкий крест.
 О, лишь поток любовь таящих слез
 Все искупил, и смыл бы, и унес.

Так о свершенном больше не горюй:
Ведь солнце стережет затмений мрак,
Таится муть в игре фонтанных струй,
Шипы на розах, в зелени червяк.
Проступки в жизни свойственны для всех
И сам я также виноват, стремясь
Твой оправдать и преуменьшить грех,
Хитро сплетя сопоставлений вязь.
Исполненный и гнева, и любви,
Я подвожу разумных ряд основ
Под худшие деяния твои.
Твой адвокат, я выставить готов
 Себя на суд, чтоб снять с тебя позор,
 Меня же обокравший милый вор.

Пускай мы будем парой единиц,
Хотя в любви мы слиты как одно,
Чтоб нес один до жизненных границ
Я без тебя позорное пятно.
Мы наслажденья лишены основ, —
Но разве в них основа наших уз?
Пусть разделил две жизни темный ров, —
Скрепляет две любви один союз.
Чужим тебе я должен внешне быть,
Чтобы тебе позора не принести,
И ты при всех меня бы мог почтить,
Лишь у себя же отнимая честь.

Не делай так. Ты слишком дорог мне,
Чтоб честь твою я не ценил вдвойне.

Как может Музе темы не хватать,
Когда свой образ ты струишь в мой стих,
Прекрасный слишком, чтобы заблестать
В ничтожных строфах, грубых и пустых?
Себя благодари, когда найдет
Твой взор в стихах частицу красоты.
Где тот немой, что песнь не запоеет,
Раз вдохновенья дар приносишь ты?
Десятой Музой будь и девять Муз
Своей красою в десять раз затми.
Того, кто заключил с тобой союз,
К высотам совершенства подними.

И если стих талантливым найдут,
Хвала тебе, — ведь мой здесь только труд.

Раз мы — одно, я не имею власть
Тебя воспеть, склонившись над листом.
Ведь ты моя прекраснейшая часть.
Тебя хвалить — лишь самохвальство в том.
Вот почему раздвóить, словно нить,
Хочу я жизни наши и черты,
Чтоб дань тебе восторга заплатить,
Которого достоин только ты.
Я разделяю нас. О как жесток
И каменист казался б этот путь,
Когда б мечты стремительный поток
Не в силах был разлуку обмануть
 И претворить не мог свою печаль
 В хвалу для друга уходящий в даль!

Весь пыл любви возьми, моя любовь, —
Богаче ли любви твоей удел?
Чем овладеть еще ты можешь вновь,
Раз всем уже и ранее владел?
Что ж, из любви беря любовь мою,
Все лучшее, что в ней заключено,
Что я любил, что я еще люблю,
С моей душой возьми ты заодно.
Но лишь не будь ни мрачен, ни сердит.
Ночам любой предпочитаю день я
И от любви мне легче боль обид,
Чем от вражды холодной оскорбления.
 Губи меня и злом, и красотой,
 Но только не враждебностью пустой.

Тем прихотям, что допускаешь ты,
Я оправданье нахожу, мой друг,
В твоих летах, во власти красоты,
В соблазне том, что сеешь ты вокруг.
Чей ум в уловках женских не померк,
Раз женщина их нам предназначала?
Где женский сын, что женщину б отверг,
Не дав себя ей победить сначала?
Виновники всегда одни и те ж:
И в красоте, и в молодом огне
Скрывается опаснейший мятеж,
Которым верность губишь ты вдвойне.
 Друг друга обретая, вы должны
 Отныне быть мне оба не верны.

Что ею обладаешь ты теперь,
Я не грущу, хоть и любил ее.
Но ты отдался ей. Из двух потерь
Лишь во второй страдание мое.
Для вас я оправдание ищу:
Ведь ты мою в ней полюбил подругу.
И ей обман невольный я прощу
За страсть и нежность к моему же другу.
Ее утрачу — выиграет друг,
Тебя, — ты ей достанешься, как дар,
А я в итоге потеряю двух,
Двойной приму мучительный удар.
 Но льщу себе, — ее любовь, — моя,
 Раз мы одно — любимый друг и я.

Закрыв глаза, я вижу лучше. День
По мелочам они блуждают зря,
Во сне ж, твою улавливая тень,
Взирают в сумрак, сумрачно горя.
О ты, чьей тени тень рождает свет
Для спящих глаз, когда ты так далек,
Твой дивный облик, в плоть и кровь одет,
В какое б совершенство мир облек!
Как был бы упоителен и жгуч,
Как ослеплял бы зрение твой вид,
Раз тень твоя, как светозарный луч,
Сквозь тяжкий сон в глазах моих блесит.
Дни без тебя — лишь мрачный ряд ночей,
А ночи — дни в огне твоих лучей.

О если б легкой мыслью стала плоть, —
Что расстоянье значило б тогда?
Его б я мог мгновенно побороть
К тебе, мой друг, умчавшись без труда.
Я стер бы все границы и черты
И, мыслью став пылающей огнем,
Стремясь в то место дальнее, где ты,
В нем был бы я, помыслив лишь о нем.
Но как, увы, терзает мысль меня,
Что я не мысль, и от тебя вдали
Томиться обречен, судьбу кляня,
Я, — созданный из влаги и земли.
Союз стихий подобных мне принес
Лишь неподвижность и бессилье слез.

Но две другие, — воздух и огонь, —
Субстанция и мысли и желанья.
Что им преграды, бешенство погонь,
Власть времени и дали расстоянья?
Когда посольство радостное их
На крыльях удаляется к тебе,
Под грузом двух оставшихся других
Склоняюсь я в беспомощной борьбе.
Всех четырех стихий во мне состав
Они, вернувшись, восстановят вновь
И я вздохну спокойнее, узнав
Их вести о тебе, моя любовь.
 Но ведь опять, мгновение спустя,
 К тебе я отсылаю их, грустя.

Глаза и сердце в яростной войне:
Твой облик глаз от сердца хочет скрыть,
Но в глазу недоступной глубине
Его лишь сердце может оценить.
И что тобой владеет лишь оно,
Упорно сердце зрению твердит.
Глаза же спорят: только им дано
Твой отразить неповторимый вид.
Пусть мысли, наконец, произнесут
Решенья беспристрастного слова,
Пусть установит настрого их суд
Для глаз и сердца точные права:
 Глазам — красоты немеркнущая новь,
 А сердцу — сердца сущность и любовь.

Меж сердцем и глазами в этот раз
Достигнут мир, простой и безусловный.
Об облике ль твоём тоскует глаз
Иль сердце истомил порыв любовный, —
Зовёт мой глаз, к портрету устремлен,
Чтоб сердце радость с ним вкусило ту.
Наоборот, в гостях у сердца он,
Чтоб о тебе с ним разделить мечту.
Так ты со мной, в портрете ли твоём,
В любви ль моей свой облик затая.
Ведь я один и все-таки вдвоем,
Раз мысль с тобой, а вместе с нею я.
 А мысль уснула, — в зрении возник
 И тотчас будит сердце милый лик.

Все то, что оставлял, пускаясь в путь,
Все прятал я, с опасностью знаком,
Стремясь вещицу каждую замкнуть
От рук измены верности замком.
Но, без кого отребья нищеты —
Вся роскошь серебра, картин, ковров,
Цель всех моих забот, остался ты
Добычей беззащитной для воров,
Тебя не смог я ни в сундук замкнуть,
Ни место безопаснее найти,
Чем образ твой вмещающая грудь,
Откуда сам способен ты уйти.

Здесь верность страж, но красотой даже
И верность можно довести до кражи.

От времени печального того, —
Придет оно иль вовсе не придет, —
Когда холодной мысли торжество
Попросит у любви моей отчет;
Когда, мои пороки рассмотрев,
Ты не пошлешь привет мне солнцем глаз,
В спокойном свете трезвости прозрев
И облик мой увидев без прикрас;
От времени того я защищен
Тем, что его безропотно приму
И, собственным ничтожеством смущен,
В твою же пользу руку подниму.
Покинут я законно должен быть,
Когда найдешь, что не за что любить.

Как медленно свершаю я свой путь!
Но чем меня б его конец привлек?
Способен он лишь на ухо шепнуть:
«Чем ближе я, тем больше друг далек».
Моей тоской без меры нагружен,
Усталый конь плетется, не бежит,
Как будто инстинктивно знает он,
Что всадник быстротой не дорожит.
Я шпорами вернуть ему не смог
Ни скорость, ни ретивость, ни задор;
В ответ на все его унылый вздох
Вонзается в меня острее шпор.
И будит он все ту же мысль в груди,
Что радость остается позади.

Меня в жестокий гнев не приведут
Медлительность коня, задержек ряд,
И не нужны ни шпоры мне, ни кнут,
Пока к тебе не поверну назад.
О, конь тогда пощады не найдет,
Не сможет быть достаточно он скор;
Пусть вихрь бы сам унес меня вперед, —
Ему б я ранил крылья сталью шпор.
Коню бока до крови исколоть
И ржать меня заставит страсти пыл,
В огонь желанья превращая плоть
И дух в избыток радости и сил.

Так пусть плетется конь, чтобы без шпор
Потом к тебе умчать во весь опор!

Я, как богач, в хранилище свое
Порог всегда бы мог переступить,
Когда б не страх — восторга острие
Употребленьем частым притупить.
В году ведь редки праздничные дни,
Но оттого лишь ярче и пышней,
Подобны камням дорогим они
В невзрачном ожерелье будних дней.
Так дни, любовь дающие твою,
Подобны сундуку, где скрыт наряд,
Который я лишь в праздник достаю,
Чтоб новизной всегда слепил он взгляд.
Тобой владея, счастлив; скрылся ты, —
Приносят счастье о тебе мечты.

Как я в твой смысл и в сущность загляну
Среди теней, скользящих за тобой?
Всегда один имеет тень одну,
Ты ж окружен их целою толпой.
Изваян Аполлон, иной ли бог, —
В их мраморе живут твои черты;
Елену пишет мастер, но итог, —
В троянской диадеме снова ты.
Весну припомнив, лето ли в цвету, —
Венок похвал тебе же снова вьем.
Ведь мы твою живую красоту
Во всяком совершенстве узнаем.
 Ты часть любой на свете красоты.
 Но верным сердцем ты есть только ты.

О, красота красивей во сто крат,
Коль искренностью светится она!
Так лучшей розе нужен аромат,
Чтоб красоты повысилась цена.
Шиповника пунцово-красный тон
Не уступает розе блеском цвета,
Когда его раскроется бутон
Под знойным и живым дыханием лета.
Но это только внешность. Как трава,
Его цветы без пользы отцветут.
Судьба же роз совсем не такова, —
Их аромат от смерти сберегут.

 Так я тебя в тончайшие духи
 Перегоню и заключу в стихи.

Твердыни башен, памятников медь
Не смогут пережить певучих строф.
В них звонче бронзы будешь ты звенеть,
Лежать прочнее каменных пластов.
Начнет война дворцы и башни жечь,
Разрушит многих поколений труд,
Но память о тебе ни Марса меч,
Ни смерти серп, ни пламя не сотрут.
Мой стих ревниво будет сторожить,
Чтоб след ее остался навсегда
Для поколений всех, что будут жить
И доживут до Страшного суда.
 Так обитать до самого конца
 В стихах ты будешь, трогая сердца.

Будь ненасытной, словно аппетит,
И жадною такую же, любовь;
Ведь он сегодня для того лишь сыт,
Чтобы назавтра стать голодным вновь.
Такою будь; пускай сегодня взгляд
Пресыщен красотой, как долгим пьянством,
Пей завтра вновь и пусть не растворят
Твой страстный пыл привычка с постоянством.
И, словно океан, разлуки грусть, —
В отлив покинув берега любви,
Чтоб к ним вернуться, — обновляет пусть
Томленье и желание в крови.
 Так и зима пусть будет холодна,
 Чтоб делалась желаннее весна.

Что я могу, смиреннейший из слуг,
Как не ловить твоих желаний час,
Влача без дел, без отдыха досуг,
Пока раздастся зов или приказ?
Но бег часов не в силах я проклясть:
Ведь я порог заветный стерегу
И может господина взгляд упасть
В любой момент на верного слугу.
Не смеет спросить ревнивый ум,
Где властелин и сердца и мечты;
Бездумный раб, я полон только дум
О том, какое счастье там, где ты.
Любовь слепа и подозрений яд,
Чтоб ты ни делал, мысли не таят.

Твоим рабом меня создавший бог,
Пусть повелит, чтоб я коснуться даже
Ни дел твоих, ни помыслов не мог,
У врат твоих застынувши на страже.
О пусть, забыв, что значат стон и плач,
Твою свободу взявшись охранять,
За тяжесть всех обид и неудач
Сумею я тебя не обвинять!
Будь там, где хочешь; сам себе глава
Ты в выборе занятий и утех;
Ведь хартия дает тебе права
Прощать себе любой свершенный грех.
 Я жду, хоть это ожиданье — ад,
 И осуждением не зажжется взгляд.

О если б время не творило новь,
Оно бы мысль избавило шутя
От тягостной заботы вновь и вновь
Вынашивать рожденное дитя!
Склонясь пред старым манускриптом ниц,
В дали веков я б отыскал твой лик,
Сияющий с потрепанных страниц,
Такой, каким впервые он возник.
И о тебе поэтов древних стих
Прочтя, сумел бы разгадать мой взгляд,
Мы стали совершенней, выше их,
Равны ли им иль движемся назад.
 Но я уверен, что в столетья те
 Хвалу слагали меньшей красоте.

Несут с собой медуз, ракушки, грязь
Часы, как волны, к берегу скользя,
Хоть вытеснить друг друга торопясь,
Раз предыдущих обогнать нельзя,
Рождение — миг, короткий, точно луч,
И скоро детство юность заменяет;
Созревший плод и сладок и пахуч,
Но время дар роскошный отнимает;
Срывает листья, направляет плуг,
Чтоб он избороздил поля красоты;
Цветет природы многоцветный луг
Лишь для его безжалостной косы.

Но времени на зло, твоих ланит
Румянец свежий стих мой сохранит.

Желанье ли твое в глухую ночь
Мне не дает усталых глаз сомкнуть,
Дремоту заставляет перевозмочь
И мыслью о тебе волнует грудь?
Быть может, ты, узнав ревнивый страх,
Вкусив любовных подозрений дрожь,
В моих порывах чувствах и делах
Ко мне свой призрак еженощно шлешь?
Но нет, не так любовь твоя сильна.
То страсть моя, покой мой погубя,
Велела мне без отдыха и сна
Стоять на страже около тебя.
Где б ни был ты, с другими ли, один, —
Я на часах, я страж твой, господин.

Всегда стремясь поставить выше всех
Себя, свои таланты и красу,
Тщеславия неустранимый грех
В сознании и в сердце я несу.
Мне кажется, что нету равных мне,
В достоинствах никто со мной не сходен,
Адониса прекраснее вдвойне,
Я молод, и умен, и благороден.
Когда же в зеркалах я разгляжу
Себя в морщинах, с согнутой спиной,
Горя стыдом, я все же нахожу
В тщеславии нелепом смысл иной:
 В себе неся твой несравненный лик,
 Им я и горд, и молод, и велик.

Как и меня, я знаю, неизбежно
Мою любовь настигнет время-враг;
Иссушит кровь, сотрет румянец нежный;
Скользнув, замрет недавно смелый шаг,
Над старости обрывом оробев;
Забудет красота владельца власть
И скроется, как хитрый вор, успев
Сокровище весны его украсть.
Бессильны мы пред временем. И все ж
Моих стихов настойчивая речь
Застыть на век заставит этот нож,
Чтобы не мог он памяти пресечь
 О том, кого люблю и образ чей
 Я с ритмом слил рифмованных речей.

Когда я вижу, как съедает гниль
Цветок, вчера струивший аромат,
Бессмертья медь поверженную в пыль,
В руинах стены мраморных громад;
Когда я вижу: жадно океан
Съедает сушу, вожделенья полн,
И груди скал расселинами ран
Угрюмо покрывает ярость волн;
Изменчивость заметив бытия
И разрушенья гибельную власть,
Во всем предупрежденье вижу я,
Что смерть должна любовь мою украсть.
 О знаю я, что мне не избежать,
 Тебя имея, за тебя дрожать.

Раз бронзу статуй, мраморы гробниц
Легко уносит времени поток,
Как устоит и не склонится ниц
Пред ним бессильный красоты цветок?
Как аромат, с дыханьем ветра слитый,
Под ветром разрушенья не умрет,
Который превращает в прах граниты
И сталь ломает крепостных ворот?
О кто б сумел от времени косы
Сокровищницу времени спасти,
Уничтоженье запретить красы
Иль бег жестокий задержать в пути?
Одним чернилам сохранить дано
Луч красоты, угаснувшей давно.

Я смерть зову, усталый от того,
Что Благородный нищенство влачит,
Ничтожному — богатства торжество
И ложь всегда Доверье омрачит,
И Девы Честь насилует разврат,
И Человека Честь грязнят презреньем,
И Силу в слабость быстро превратят
Бессмысленным ее употребленьем.
Искусство придавил авторитет
И обнаглевшей глупости контроль.
Тот простаком слывет, в ком фальши нет,
Добро в плену, а злоба наш король.
Я так устал, что рад бы смертной мгле,
Да друга жаль оставить на земле.

Зачем он должен жить среди заразы
И украшать присутствием порок,
И делать честь, выслушивая фразы,
Пошлейшей лжи и фальши между строк?
Нужны ль румяна розе красоты
Из зависти пред красотой роз?
Где взять природе яркие цветы,
Когда бы он в саду ее не рос?
О, в наши дни совсем она банкрот.
Ей оживляет плоть лишь кровь его.
Она нашла в нем за его же счет
Наследника богатства своего.

В нем показать еще возможно ей
Все, отнятое злобой наших дней.

Живой чертеж теперь его черты
Тех дней цветущих розами увитых,
Когда симптом болезни красоты
Еще не искажал ничьи ланиты,
Когда у мертвых не срезали кос,
Вторично их торгуя красотой,
Когда цветок любой и жил, и рос,
И умирал естественно-простой.
Той красоты, которая все дальше,
В одном лице черты воплощены;
О, красоты, не созданной из фальши,
Не молодой за счет чужой весны.
 Ту красоту природа без прикрас
 В нем бережет для извращенных глаз.

То внешнее в тебе, чем каждый взгляд
Любуется, пороков лишено.
Враги и те с восторгом говорят,
Что красота и облик твой — одно.
Что ты прекрасен, люди понимают,
И все-таки на подозрений грязь
Они хвалы немедленно меняют,
Во внутрь тебя взглядеться торопясь.
И, внешне, по делам судя твой ум,
Низводит всяк (и думает, что прав)
Весь аромат твоих незримых дум
До запаха обыкновенных трав.
 Не распознав твой аромат за цветом,
 Обыденность сама виновна в этом.

Все выпачкать способна клевета.
Ты ль виноват, что ею загрязнен?
Внушает подозренья красота
Крикливой стае галок и ворон.
Достоинство ценней, когда пронес
Его через злословия поток.
Порока червь нежнейших ищет роз,
Но чист и им не тронут твой цветок.
Ты миновал обманчивую сеть,
Что юность расстиляет на пути.
Но разве добродетели сумеет
Без зависти ревнивой расцвести?
Ведь если б не завеса клеветы,
Во всех сердцах царить бы должен ты.

О если звон, пропев тебе привет,
Оповестит унылостью своей,
Что я покинул грустный этот свет
Для общества гнуснейшего червей, —
Ты не грусти; не вспоминай руки,
Писавшей этот стих; я так люблю,
Что не хочу причиной быть тоски
И радости твоей не погублю.
О если, я сказал, на этот стих
Твои глаза скользнут случайно вновь,
Да не встревожит мыслей он твоих.
Пускай умрет со мной твоя любовь.
И обо мне не должен ты страдать,
Чтоб для насмешек повода не дать.

И чтобы мир отчета не просил,
Какие ты любил во мне черты,
Забудь меня, не тратя даром сил.
Что ценного во мне нашел бы ты?
Напрасно бы старалась ложь твоя
В высокие достоинства облечь
Пышной мое угаснувшее «я»,
Чем истины скупой сухая речь.
Чтоб не казалась лживою любовь,
Меня хваля всему наперекор,
Пусть даже имя не всплывает вновь,
Несущее обоим нам позор.
Мне стало б стыдно, что таков я был,
Тебе, — что ты подобного любил.

Во мне ты можешь видеть тот сезон,
Когда, скрипя, склонились ветви ниц
И голый лес в молчанье погружен,
Звеневший раньше щебетаньем птиц;
Во мне ты видишь сумеречный час,
Когда спустилось солнце за рекой,
Печальный отблеск медленно угас
И ночь сулит безжизненный покой;
Еще вполне мой пламень не потух,
Мерцая в пепле из последних сил,
Но миг пройдет и он испустит дух
Средь той золы, что сам же породил.

Вглядись во все, чтобы любить сильнеей
То, что умчит поток ближайших дней.

Но будь спокоен: если смерть-судья
Свой приговор свершит в кратчайший срок,
С тобою навсегда останусь я
В безмолвных буквах этих звучных строк.
В них сущности моей таится часть,
Которая тебе посвящена.
Мой прах — земному праху; но украсть
Ни дух, ни мысль могила не должна.
Они — тебе. Лишь внешние черты,
Добычу неприглядную червей,
Во мне умершем потеряешь ты,
Не стоящую памяти твоей.
 Все ж лучшее, что мне дано судьбой,
 В моих стихах останется с тобой.

Ты для меня как воздух, как еда,
Как дождь для почвы, как для птицы крылья.
Из-за тебя метаюсь я всегда
Меж граней нищеты и изобилья.
То, как богач, сокровищ господин,
Дрожа над золотым своим кумиром,
Ревниво им люблюсь я один,
То похваляюсь им пред целым миром;
То взор мой сыт твоею красотой;
То, голодом неистовым объят,
Живу одной неистовой мечтой, —
Опять тобой насытить жадный взгляд.
 Так незаметно губят день от дня
 Невоздержанье с голодом меня.

О почему, не зная перемен,
Упрямой однотонности полны,
Однообразью отдаются в плен
Мои стихи, чуждаясь новизны?
Зачем твержу все тот же я напев,
Наряда слов не изменив никак,
Поэта имя в нем запечатлев,
Как вытканый на ткани четкий знак?
Но я пишу лишь о тебе, любовь.
Любовь и ты — вот тема для меня.
И новой страстью одеваю вновь
Слова все те же день я ото дня.
 Так ежедневно даже солнце, — да! —
 И прежнее и новое всегда.

Заполни отпечатками души
Страницы те, что я тебе дарю.
Все, что забыть ты мог бы, запиши
И тени дней доверь календарю.
Когда узришь, смятением томим,
В морщинах смерти гробовую пасть
И маятник качанием своим
Оставшиеся миги будет красть,
Все то, что потерял ты по пути
Из прожитых событий, чувств и дум,
Все сможешь здесь нетронутым найти,
Полней познав и жизнь свою и ум.
 И пусть в воспоминания узор
 Сольются строки, радуя твой взор.

Для Музы помощи не раз твоей просил
Я, с рифмами измученный борьбой.
И дождь в перо вливался свежих сил
И рассыпался в брызгах над тобой.
Твои глаза способны научить
Немного петь, глупца судить светло,
Невежества бессилье облегчить
И оперить мечтания крыло.
Так будь же горд моим трудом. Не ты ль
Его своим влиянием создал?
Пусть и других ты улучшаешь стиль
И прелесть их творениям придал,
 Но все мое искусство — только ты,
 Вознесший мысль до этой высоты.

Один твою я помощь получал,
Один я мог от струй чудесных пить.
Но ныне занят у ручья причал,
Другому надо место уступить.
И тему о тебе я отдаю
Достойнейшему, может быть, перу,
Ему вручаю красоту твою
И ничего с собою не беру.
Тебе слагая песнь, лишь от тебя
Ее красу заимствует поэт;
Хвалой создать бессилен он, любя,
Достоинства в тебе, которых нет.
К поэту благодарность не таи:
Его дары и без того твои.

О, я немею, бледен и угрюм,
И дух мой слабый погружен во мглу.
Могу ль писать я, если лучший ум
Отныне петь взялся тебе хвалу?
Но совершенства ты без меры полн;
Как безграничный океан, оно
Нести способно мой ничтожный челн,
Неся корабль роскошный, все равно.
И если он скользит над глубиной,
То я прибрежный огибаю пляж,
И можешь ты легко разбить волной
Щепу челна и мощный такелаж.
Но если б ты лишь мой челнок разбил,
Конец любви концом бы жизни был.

Тебе ли раньше суждено уйти,
Иль раньше черви грызть мой остов будут,
Но след твой смерти прочь не унести,
Хоть обо мне на свете все забудут.
Жизнь вечную ты будешь продолжать,
Хоть безвозвратно я для всех умру.
Тебе на ложе славы возлежать
И взоры влечь к высокому одру.
Мой стих — тебе бессмертный монумент;
Вниманье остановит он людей,
Рождений чьих не наступил момент,
Чьи жизни в далях ненаставших дней.
 Так будешь ты, — ту власть имеет стих, —
 Всегда дышать в дыханьи уст людских.

С моею Музой в брак ты не вступал
И в праве ей пренебрегать вполне,
Восторженных не слушая похвал,
Тебе уже наскучивших вдвойне.
В тебе ученость блеску красоты
Равна. Моей ли Музе спорить с ней?
Естественно, новинок ищешь ты
И свежих поэтических затей.
Ищи, моя любовь. Но пусть они
Риторики сплетают сложный круг, —
Симпатию ты все же сохрани
К простым словам, что просто скажет друг.
 Раскраска для бескровных щек нужна,
 Тебе же оскорбительна она.

Твоей красе подкраска не нужна, —
Я потому ее не применял.
Я знал, — превыше всех похвал она
И стих хвалебный перед нею мал.
Я знал, что на тебя один лишь взгляд
Сказать способен больше, чем перо;
Его с тобой сравненья притупят,
Хотя оно отточено остро.
Меня в молчанье обвиняешь ты,
Но только в нем достоинство мое:
На уровень подобной красоты
Не ставлю я ничтожество свое.

Твой каждый глаз содержит больше света,
Чем вымыслы ярчайшие поэта.

Кто больше б смог в хвалу тебе сказать,
Чем то, что только ты один есть ты?
И кто бы попытался доказать
Что есть создание равной красоты?
Любимых черт заимствованный свет
Стихом потомству должен быть оставлен.
Но о тебе напишет пусть поэт,
Что ты есть ты, и будет тем прославлен.
В тебя природой вписанное пусть
Копирует, не искажая, он
И стих весь мир заучит наизусть,
И мыслями и стилем изумлен.
 Но недостойных похвала — как жало.
 Не раз она твой образ искажала.

Неметь я вместе с Музою привык,
Когда слагают пышно и остро
Тебе хвалы изысканный язык
И золотом граненое перо.
Они поют в восторженных стихах,
А я без слов восторженно гляжу
И, как простой, неграмотный монах,
«Аминь» в ответ на каждый гимн твержу.
И говорю: «Да, верно! Он таков!»
К хвале всегда добавив что-нибудь,
Но мысленно, затем, что нужных слов,
Тебя достойных, не содержит грудь.
К ним благодарность за слова храни,
Но и мое молчанье оцени.

Его ли стих, исполнен гордых дум
И ищущий вознаграждений щедрых,
Могилей дум созревших сделал ум,
Те думы раньше вырастивший в недрах?
Его ли дух, в который духи власть
Вложили неземных, высоких сил,
Меня заставил смолкнуть и упасть
И мысль мою безвременно сразил?
О нет, ни он, ни реющий над ним,
В его перо вселяющийся дух.
Не хвастать им молчанием моим, —
Я не боюсь ни одного из двух.
 Но раз в борьбе поддержан он тобой,
 То я сдаюсь, не проигравши бой.

Прощай! Чтоб быть моим, ты слишком дорог
И, цену наконец себе узнав,
Реализуй бумаг бесценных ворох;
На них я больше не имею прав.
Как удержу тебя против желанья?
По откупу с таким богатством связан,
Достойную тебя вносил ли дань я
И сдать патент я разве не обязан?
Ты отдался, не зная свою цену,
Да и во мне ошибся без сомненья,
И взятый дар отныне я верну
Для лучшего его употребления.

Пока владел тобою, сон мне снился,
Что я король; но нищим пробудился.

Я поддержу всю горечь слов твоих,
Когда во мне увидишь бездну мглы,
И если ты откажешься от них,
Я все-таки отвергну похвалы.
Сомненья все стараясь отодвинуть,
Я расскажу своих проступков повесть,
Чтоб видел каждый, что меня покинуть
Тебе велели честь твоя и совесть.
И если б я себя оклеветал,
То выгода б досталась все же мне:
Тебе бы преимущество я дал,
Мне самому желанное вдвойне.
 В твоей лишь пользе пользу нахожу,
 Настолько я тебе принадлежу.

Скажи, что я покинут за вину, —
Я подтвержу ее виной другой;
Скажи, что я урод, и я начну
Тотчас хромать здоровою ногой.
Оклевети и крикну я: «Ты прав!»
Какой удар ты можешь нанести,
Раз я, твое желанье отгадав,
Решил исчезнуть с твоего пути,
С тобою не встречаться никогда,
Звук имени нигде не произнести,
Чтобы пятном позора и стыда
Твою случайно не затронуть честь?
Я враг себе. Любить свои черты
Могу ль, когда их ненавидишь ты?

О если хочешь ты возненавидеть
Меня, — молю, возненавидь теперь,
Когда поднялся, — сам ты можешь видеть, —
Весь мир вокруг, как мне враждебный зверь.
Пока моя восторжествует сила,
Не жди, сдержав расчетливый удар,
Чтоб поразить меня коварно с тыла,
Отняв любви невозвратимый дар.
И если хочешь бросить, брось меня
Не после всех несчастий, а теперь,
Чтоб сразу, жизнь ненужную кляня,
Я худшую узнал бы из потерь.

Что по сравненью с нею будут смерть,
Страданья ада, рухнувшая твердь?

Одни гордятся тем, что стар их род,
Другие чистокровностью коней,
Собаками изысканных пород,
Богатством, силой, ловкостью своей.
У каждого есть нечто сверх всего,
В чем наслажденье находить дано.
Но я все чувства сердца моего
Слил нераздельно в цельное одно.
Богатств дороже для меня любовь,
Милей собак и лошадиных морд,
Бесценнее, чем герцогская кровь.
Ее имея, я велик и горд.
 Так я богат сокровищем одним,
 Но нищ из нищих, расставаясь с ним.

С моею жизнью вместе лишь украсть
Свою любовь ты можешь у меня.
Ее лишась, я должен сразу пасть, —
Мне без нее не выстоять и дня.
Вот почему меня ты не жалея, —
С бедой придет и мой последний миг.
Была бы мне гораздо тяжелей
Зависимость от прихотей твоих.
Не буду от неверности страдать,
Пятно твоих обид смогу стереть.
Да, счастье — любовью обладать,
И счастье также — с нею умереть.
 Но даже в счастье кто не суеверен?
 Ведь я могу не знать, что ты не верен.

И буду жить, и верить: честен ты, —
Как роконосец, верящий жене.
Со мной — притворно-нежные черты,
А сердце далеко на стороне.
Я не смогу заметить свой позор, —
Ведь ненависть не выразит твой глаз;
Другим измена омрачает взор,
В морщинках гневных пишет свой рассказ.
Но так ты небом создан, что чело
Любви одной лишь излучает свет;
Какое б в сердце не таилось зло,
В глазах всегда лишь нежность и привет.
 О если ты прекрасен лишь снаружи,
 Ты и не Евы яблоко, ты хуже.

Тот, кто имея силу делать зло,
Не делает и, безучастно — тих,
Покоится, как камень, тяжело,
Лишь косвенно влияя на других, —
Получит милость неба тот по праву
И сил своих не расточит запас;
Самим собой владеет он на славу
И в слуг послушных превращает нас.
Пускай живет лишь для себя цветок, —
Он сердцу мил и взгляд им сладко пьян.
Но если яд — его душистый сок,
Зловредней он и хуже, чем бурьян.
 Яд красоты опасней, чем иной,
 Как лилия, скрывающая гной.

Ты сладким и желанным сделал стыд,
Который гложет розы стебелек,
Как гадкий червь, ее бутоном сыт.
Ты самый грех в покров красы облек.
Ведь критик твой, и даже самый злой,
Тебя судя, тобою восхищен,
И порицанье станет похвалой,
Хоть сам он тем, быть может, и смущен.
О как пороков царственен дворец,
С тех пор как избран их жилищем ты!
И как для глаз опасна и сердец
Их сила под покровом красоты!
 Но берегись, чтоб не сломать свое
 Неверным обращеньем лезвие.

Оправдывают юностью тебя
И шалостью грехи твои зовут;
Одни любуясь, многие любя,
Тебя всегда прощают там и тут.
Средь ка́мней королевского венца
Стекло невольно примут за алмаз;
Так твой порок расценит до конца
Как добродетель ослепленный глаз.
О сколько может унести ягнят
В овечьей шкуре спрятавшийся волк!
Как ты легко распространял бы яд,
В своих опасных свойствах зная толк!
 Не делай так. Ты мой. И честь твою
 В себе ношу я так же, как свою.

Разлука безотраднa, как зима,
С тобой, моя весна, моя заря.
Как холодно вокруг! Метели, тьма,
Безжизненность седого декабря!
Но ведь была же до зимы весна
И зрелые плоды в саду зеленом —
Весны давно умершей семена,
Вращенные вдовы обильным лоном,
Ах, пусть плодов роскошен урожай, —
Они напоминают мне сирот;
С тобой ушли и радости, и май,
И птиц умолк веселый хоровод.
 А если и поют, от их тоски
 Последние чернеют лепестки.

С тобой в разлуке был весною я,
Когда апрель расцвел пестро и бурно
И, юности дыхание струя,
Плясать заставил старого Сатурна.
Но я ни в солнце, ни в жужжании пчел,
Ни в пеньи птиц, ни в шуме ручейка
Весеннего восторга не прочел.
К каким цветам тянулась бы рука?
Меня не влек ни лилий белый цвет,
Ни алой розы царственный багрец.
Все это был тебя лишь слабый след,
Ты, красоты единый образец.

Лишь тень твоя весна была сама,
Безжизненно-уныла, как зима.

И я бранил раскрывшийся цветок:
«О вор, зачем ты несравненных губ
И милых век похитил алый сок,
От кражи той хоть ярко, но и грубо?»
Чьих нежных рук у лилий белизна?
Кто здесь не вор? Пусть всех винит мой гнев!
Поникли розы, побледнев одна,
Другая от смущенья покраснев.
А третьей, верно, стыдно, больше всех, —
Твой аромат ей удалось украсть;
Но сердце дерзкой отдано за грех
Червям отныне в гибельную власть.
Цветов я столько встретил! Но любой,
Как тень твоя, бледнел перед тобой.

Зачем, о Муза, гимн умолк тому,
Кто дал тебе и силы и мечты?
В сюжетов низких будничную тьму
Свой свет пролить напрасно хочешь ты.
О Муза нерадивая, вернись,
Пусть он опять к тебе склоняет слух,
И наверстать скорее торопись
На пустяки растроченный досуг.
Забывчивая, встань! Взгляни опять
В лицо любви, — морщинок нет ли в нем;
И если есть, должна ты осмеять
Власть времени язвительным стихом,
 Чтоб, отстранив размах его косы,
 Упрочить вновь бессмертие красы.

О Муза, разве красотою ты
И совершенством хочешь пренебречь?
С тем, что люблю, навек они слиты;
Их прославлять твоя должна бы речь.
Ты, может быть, промолвишь мне в ответ:
«Для красоты и для добра нужны ль
Перо и кисти? Совершенства свет
Они и так струить нам не должны ль?
Но не хвались преступной немотой.
Спешу, пока всеильна ты, пока
Ты мавзолей воздвигнуть золотой
Способна им на долгие века.
 Не уклоняйся ветрено от долга,
 Чтоб жить им в песнях бесконечно долго.

Моя любовь полна горячей новью,
Хоть ослабевшей кажется на вид.
Торгует тот и страстью и любовью,
Кто о цене их всюду говорит.
Когда была весна любви моей,
Я смел ее хвалами величать;
Поет лишь ранним летом соловей,
Чтоб в дни июля скромно замолчать.
Но разве лето б сделалось чудесней,
Когда б твердил мелодию одну
Он без конца? Ведь все, и даже песни,
Обычным став, утратило б цену.
Вот почему смолкаю я, как он,
Чтоб песнею ты не был утомлен.

Увы, как облик Музы нищ и гол
А между тем воспеть она могла
Того, кто совершенством превзошел
Все, что добавить может похвала.
О, не вини, что больше не пою,
И лучше к зеркалам склони свой взор:
Твоя краса затмила песнь мою,
Сравненье с ней для строк моих позор.
Не грех ли, непростительный совсем,
Твой несравненный образ исказить?
А ведь иных не знает стих мой тем,
Как пред тобой восторги выражать.
 Но много-много более, чем в нем,
 Прочешь ты можешь в зеркале твоём.

Прекрасным и таким же молодым
Всегда, мой друг, тебя найдет мой взор,
Как в первый раз. Но трижды холод зим
Сорвал с ветвей зеленый их убор.
И третий раз осеннею порой
Весна сменилась, от дождей дрожа,
И май сожжен был летнею жарой,
Хоть кажется листва твоя свежа.
Ведь красоты округлый циферблат
И времени и стрелок знает путь.
Она движеньем неприметным взгляд,
Как постоянством хочет обмануть.

Но берегись, — не мало красоты
Погибло раньше, чем родился ты.

Не говори, что идола создал
Я из любимого своей любовью,
Раз стих твердит все тот же гимн похвал
Всегда ему, не обновляясь новью.
Любовь сильна сегодня, как вчера;
В ней постоянство, чуждое измен,
Все то же чувство с моего пера
Течет в стихи, не зная перемен.
Краса и верность — тема для меня,
Краса и верность в вариантах слов;
Изобретаю день я ото дня
Оттенков новь для этих двух основ.
 Не редки красота и верность врозь.
 Их вместе встретить многим ли пришлось?

Когда, копаясь в хрониках былых,
О красоте встречаю строки там,
Следы которой сохраняет стих,
Воспевший прежних рыцарей и дам;
Когда я в панегирике прочту
Об их руках, бровях, ресницах, шее,
Не нахожу я ни одну черту,
Которую ты также не владеешь.
Так все хвалы пророчеством одним
Мне кажется о красоте твоей,
Но не воспеть ее достойно им,
Догадываясь издали о ней,
Ведь наяву тобой любуясь, мы
Пред красотой подобною немы.

Ни страх, ни предсказания, ни расчет
В грядущего не разгадают тьме,
Когда контракт с любовью истечет
И неустойки приведут к тюрьме.
Колеблются затмения луны,
От сроков отклоняется прилив,
Слова авгуров часто не верны,
Сулящих мир нам зеленью олив.
Но на сегодня небосклон мой чист
И договор со смертью заключен,
Что жизнь мою стихов продолжит лист
Среди бесславной гибели племен.
 И памятник твой будет в тех стихах,
 Когда тиранов бронза рухнет в прах.

Что отыскать сумею я в мозгу;
О чем слова уже не говорили?
И что воспеть я заново смогу, —
Мою любовь, достоинства твои ли?
Ничто, мой мальчик. День лишь ото дня
Я, как слова молитв, одно твержу: —
Что я люблю, что любишь ты меня, —
И новую в том радость нахожу.
Любви страница, старой становясь,
От времени лишь кажется ценней.
Ведь ни морщинки лет, ни пыль, ни грязь
Не оседают пятнами на ней.

Пусть даже внешне страсть мертва от лет,
Здесь вечно нов и лик ее и след.

Нет, обвинять напрасно не спеши,
Что я в разлуке позабыл любовь.
Могу ль уйти от собственной души?
Ее до капли влил в твою я кровь.
Ведь дом любви моей — твоя лишь грудь,
И, старясь в шуме жизненных дорог,
Вновь направлял я вовремя свой путь
На милый мне, единственный порог.
Пусть крепость добродетели моя
Не может отразить порока стрел,
Не верь, мой друг, что за ничто бы я
Мог бросить все, чем в жизни я владел.
 Ничто весь мир, вселенной бытие,
 Раз нет тебя; в тебе лишь все мое.

Увы, на вид изменчив с той поры
Я, правда, стал; ронял я мысли в грязь
И продавал бесценные дары,
Отдать их подешевле торопясь.
Да, верно, что на верность я смотрел
Довольно косо; и однако вновь
Из худших испытаний, худших дел
Всплывала незапятнанной любовь.
Но опыт свой закончил я теперь, —
Довольно чувство искушать в борьбе.
Отныне весь и нераздельно, верь,
Мой старый друг, вернулся я к тебе.

Приветствуя, прижми меня к груди
И небо мне заблещет впереди.

Вини судьбу: привычки и дела,
Проступки и грехи — ее лишь зло.
Ведь средством к жизни мне она дала
Лишь лицедейств публичных ремесло.
Печать на всем оставило оно,
Которой мир не в силах позабыть.
Так на руке красильщика пятно
Ничто не может ни стереть, ни смыть.
Не осуждай, а лучше пожалей
И пожелай очищенных дорог.
Сочувствие поможет мне скорей,
Чем приговор, который слишком строг.
 Лишь ты, в глаза мне посмотриев светло,
 Направить волю можешь не на зло.

В любви твоей, в сочувствия огне
Клеймо исчезнет с моего чела.
Не все ль равно, как судят обо мне,
Раз оправдать ты смог мои дела?
Ведь ты — весь мир. Я жажду получать
Упреки и хвалу из уст твоих.
В ответ другим я буду лишь молчать,
Ожесточенно сторонясь от них.
О мнении чужом я чужд забот.
Я, словно уж, и холоден и глух
Для всех похвал и брани, что вползет,
Порою, извиваясь, в ум и слух.
 Так прочно врос в мое ты существо,
 Что вне тебя все пусто и мертво.

Мне глазом служит ныне мысль моя,
С тех пор, как я с тобою разлучен.
А глазом лишь частично вижу я,
Хоть кажется живым и зрячим он.
Он не способен передать уму
В правдивых формах видимый предмет,
Огонь ли отражает он иль тьму,
Полет ли птицы или розы цвет.
Он, свой обман не в силах превозмочь,
Все, что пред ним проходит и мелькает, —
Голубку ль, галку, полдень или ночь, —
В твои черты упорно облакает.
 Так вижу мыслью; глаз же, хоть и жив,
 Тобою полон до краев и лжив.

Но не берет ли кубок сладкой лжи
Мысль, как король приемлет с верой лесть?
Иль глаз правдив? Не мог ли ты, скажи,
Ему, как дар, умение принести
Алхимией любви преображать
Любой предмет, и прелесть, и уродство
Так под углом волшебным отражать,
Чтоб в них с тобою появилось сходство?
Нет, первое верней; одним глотком
Мысль, как король, обман из кубка пьет;
А глаз, с монаршей слабостью знаком,
Ему питье по вкусу подает.

Коль яд в напитке, глаз не виноват:
Ведь он его отведасть первый рад.

Свои слова обратно я возьму,
Что я не мог бы полюбить сильнее,
Ошибся я. Не знаю почему,
Огонь лишь ярче, дольше пламеня.
Да, время, чьих случайностей не счесть,
Способно сжечь декреты короля,
Сломать обет, с дороги мысль увести,
Намеренья от цели отклоня.
И, времени превратностей боясь,
Могу ль, ручаясь за остаток дней,
Скрепляя чувств изменчивую связь,
Теперь сказать: люблю всего сильнее?
Любовь — дитя; как мне размер найти
Того, что может все еще расти?

Любовь не есть любовь, когда она
Меняется при виде перемен,
Покинувшему другу не верна,
Изменою платя за ложь измен.
Нет, как на скалах путеводный знак,
Ее не уничтожат ураганы;
Она звезда, ведущая сквозь мрак
Суда вперед, в намеченные страны.
У времени шутом или слугой
Она не служит; дней и лет череда
Румянец щек уносят, но другой
И им любовь не сделать никогда.
 О, мир любви доньше не постиг,
 Коль факты опровергнут этот стих!

Прости, что преуменьшил платежи,
Что в срок бывал к уплате не готов;
День ото дня прочнее не вяжи
Меня шнуром скопившихся долгов.
Прости, что не могла твоя краса
Во мне смятенье мыслей превозмочь,
Что всем ветрам открыл я паруса
И от тебя умчался с ними прочь.
Суди мои ошибки, своеволье,
Но пусть для подозрений будет грань;
Сердись; стерплю твоих нападок боль я,
Но ненавистью сердце мне не рань.
Я лишь хотел, — клянусь тебе опять, —
Любовь и верность далью испытать.

Как прибегаем к горечи приправ,
Чтоб вкус явился к сладкому опять;
Как врач суровый перед нами прав,
Леча нас болью, чтобы боль унять;
Так я, насытись сладостью твоей,
Боясь несуществующих отрав,
Чтоб избежать их, сам прибавил к ней
И яд, и горечь множества приправ.
Но я достиг лишь пониманья, друг,
Что омрачать любовь болезнью мнимой,
Считая яд целебным, и недуг —
Лекарством ей, — увы, недопустимо.
 Да, я узнал, лекарства истребя:
 В них яд тому, кто болен от тебя.

Какой напиток из Сирены слез,
Перегнанных сквозь черный адский куб,
Смесь и надежд, и страхов, и угроз,
Я отстранить не в силах был от губ!
Как мог я быть далеким от догадки,
Что все победы были — пораженья?
Как бред меня томившей лихорадки
Мое за счастье принимало зренья?
О польза зла! Лишь вред его один
Я раньше знал, — оно ж с добром согласно.
Всегда любовь, поднявшись из руин,
Цветет пышней и более прекрасно.
 Так трижды возмещаю я теперь
 В итоге зла число моих потерь.

Что ты меня терзал, теперь я рад.
Наградой мне за то твоя печаль.
Кто не поймет раскаяния ад?
Лишь тот, в ком нервы заменила сталь.
Моих обид тебя терзала ль злоба,
Как ты обидой истерзал мне грудь?
О если так, виновники мы оба
И стыдно нам на прошлое взглянуть!
Зачем же помешала боль моя
Твою мне боль постигнуть до конца?
Зачем же, слез целебных не тая,
Друг другу мы не вылечим сердца?
Твоя вина не выкуп, он иной:
Твою своей я искупил виной.

Теряет цену все, что не свое,
А связано лишь с мнением других.
Зачем в свое пушу я бытие
Глаза и уши пошленькие их?
Зачем мне шлет, как равному, поклон,
Изменника коварно-лживый взор?
Зачем распутник ищет, как шпион,
Средь дум моих распутности позор?
Нет, я есть то, что есть; и те, что числят
Мои вины по собственным своим,
Любую мысль мою превратно мыслят
И тешутся, что я подобен им.
Они лишь в общем, может быть, правы:
Все люди скверны с ног до головы.

Заметки те, что подарил мне ты,
Запечатлелись в памяти моей,
Стоящей выше шумной суеты
Обыденных, пустых и праздных дней.
В ленивом том хранилище, как вор,
Не прикоснется к ним забвенья тьма
Вовек, поверь, иль все же до тех пор,
Как длится жизнь и сердца и ума.
Вот почему я не храню листы
И подарить записки мне не жаль,
Раз и прочней и ярче вписан ты
В любви моей бессменную скрижаль.
Хранить листы, чтоб помнить и любить,
Не значит ли бояться позабыть?

Твое напрасно, Время, торжество:
Воздвигнувши громады пирамид,
Ты нового не вносишь ничего
Иль, может быть, один лишь внешний вид.
Наш краток век и потому для нас
Безмерно велики твои дела,
Раз с нашей жизнью сравнивает глаз
Ту вечность лет, что раньше протекла.
Но над твоим могуществом смеюсь
Я в настоящем так же, как в былом.
Что, кроме лжи, твоих деяний груз,
Окрашенный большим иль меньшим злом?
 Себя я постоянству отдаю,
 Презревши власть бессильную твою.

Не знатности случайное дитя
Моя любовь. Что ей судьбы угрозы,
Которые, то балуя, то лстя,
В сорняк порой выбрасывают розы?
Не знающая роскоши утех,
Чужда хвалы изменчивым напевам,
Она не станет жертвою и тех,
Кто ныне троны рушит рабским гневом.
Политике неверной далека,
В которой час не длится договор,
На дождь и зной способна свысока
Она ронять невозмутимый взор.
 Услышите то, живущие для зла,
 Чья гибель в мир добро бы принесла.

Что почестей наружных чудеса?
Тщету их знаков вижу я насквозь,
Что в том, что мне фундамент и леса
Для вечности создать бы удалось?
Поклонник внешних милостей и благ,
Здоровый вкус растливший сладкой пищей,
Все исчислявший ценностью бумаг,
Не раз потом встречался мне как нищий.
О люди жалкие, кто истощил себя
В ничтожном любовании собою!
Слугой любви не лучше ли, любя,
Останусь я в согласии с судьбою?
 Доносчик, прочь! Чем больше клеветы,
 Тем менее над жизнью властен ты.

О мальчик мой, как повеленьем властным
Серп времени ты сделал безопасным?
Желты, тебя любившие, как рожь,
А ты, как прежде, молод и хорош.
В тебе создав образчик красоты,
Хранит природа дивные черты,
Чтоб мир увидел, что она сильней
Потока разрушительного дней.
Но, баловень, у ней успех не прочен:
Ведь ею может быть лишь срок отсрочен.
 Поверь, что лет немного протечет
 И роковой предъявлен будет счет.

Нет, чернота была б не названа
В минувшие столетья красотою.
Лишь в наши дни краса заменена
Фальшивых средств нечистой чернотою.
Зачем же у возлюбленной моей
И волосы и очи так черны?
Лишь черный мрак упорно видят в ней
Привыкшие к стандарту белизны.
Но только траур эта чернота
По тем, кто ради прихотей и моды
Меняет прирожденные цвета,
Позоря дар и творчество природы.
 И если все в моей любимой — тьма,
 То такова ж и красота сама.

Когда пленяешь, музыка моя,
Ты музыкою слух у клавикордов,
О как слежу за пальчиками я,
Будящими гармонию аккордов!
Я клавишам завидую, — глупцам,
Их кончики посмевшим целовать,
Когда, казалось, должен бы я сам
Тот сладкий плод с руки твоей сорвать.
За дерзость их, — твоих певучих слуг, —
Мои краснеют губы от стыда.
Ты мне даешь мучительный недуг,
А их блаженством одаряешь, да?

Но пусть дощечкам только пальцы, — что ж?
Губам же губ живительная дрожь.

Растрата сил и духа на позор, —
Вот похоть в существе своем; груба,
Низка и вероломна, точно вор,
Грязна, как развращенная раба.
В одном лишь униженьи цель ее,
В том, чтоб сводилась к вождельню страсть,
Чтобы на дно, в безумства забытье
Ее же соучастнику упасть;
Чтоб, добиваясь с бешенством в груди,
Был дик и бешен в обладаньи он.
Блаженства миг — приманка впереди;
Он позади — лишь безобразный сон.
 Известно всем. Но кто на свете рад
 Избегнуть рай, ведущий прямо в ад?

Ее глазам, как солнцу, не блеснуть,
Красней коралл, чем уст ее краса,
Не снег ее коричневая грудь,
Как проволока жестки волоса.
Пленяют розы лепестками взгляд,
Но нету роз в тонах ее ланит;
Никто ее дыханья аромат
С цветов благоуханьем не сравнит.
Люблю я голос госпожи моей,
Но знаю, — флейта сладостней играет;
Не ведаю, легка ли поступь фей,
Она же землю твердо попирает.
 Но что сравнимо, без прикрас и лжи,
 С своеобразием редким госпожи?

Да, ты тиран, как те, чье торжество,
В их красоте, питающей надменность.
О, знаешь ты, — для сердца моего
Ты самая большая драгоценность.
А между тем клеветники твердят,
Что облик твой не может вызвать страсти.
Не смею я их опровергнуть взгляд,
Хоть сам в твоей не сомневаюсь власти.
Лишь сотни вздохов привести в ответ
Могу я в подтвержденье правоты,
Что твой неповторимо черный цвет
Светлее дня, прекрасней красоты.

Но клеветы причина мне ясна:
В поступках ты поистине черна.

Люблю твои глаза: в них к сердцу гнев,
Которое ко мне полно презренья.
Они, одежду траура одев,
Мне выражают горечь сожаленья.
Так щеки побледневших за ночь туч
Румянцем не зажгутся никогда.
Не оживит угасший запад луч,
Который льет вечерняя звезда.
Но красит лик твой траур этих глаз.
О если б сердце, растопивши лед,
Узнало сожаление хоть раз,
Коль жалость так чертам твоим идет!
Тогда б я клялся: красота черна;
Ей чуждо все, чего ты лишена.

Проклятие тебе, нанесшей рану
И другу моему, не только мне!
Меня уж недостаточно тирану, —
Тираном быть стремишься ты вдвойне.
Сломив меня жестокою борьбою,
Ты на него решила посягнуть;
Я, брошен им, тобой и сам собою,
С тройным крестом влачу я крестный путь.
О если бы в свое я сердце мог
Навек взять сердце друга на поруки!
Тогда, тюремщик, страшен ли острог?
Он не принес мне с другом бы разлуки.
Могла б с моим лишь сердцем заодно
Ты сердце взять, что в нем заключено.

О если бы он был освобожден, —
Ведь «я» мое второе слито с ним!
Но ясно мне, что твой отныне он,
Я ж остаюсь заложником твоим.
Пытался он лишь выкупить меня
В счет займов тех, что ты ему даешь.
Но алчна ты и, в сети замая,
Злорадную испытываешь дрожь.
Ты ростовщик и жесток твой устав,
А он великодушен и к врагу.
Твоим однажды кредитором став,
Он будет век перед тобой в долгу.
 В залог оставшись, он меня не спас:
 Двоих теперь в плену ты держишь нас.

Ты обладаешь Волей без границ,
Хотеньем и Желаньем сверх нее.
Зачем же гневным трепетом ресниц
Встречаешь ты желание мое?
Зачем в своей большой и явной Воле
Его не хочешь заключить как часть?
Зачем достойна порицанья боле,
Чем у других, моих желаний страсть?
Ведь как бы море ни было полно,
А примет дождь, упавший с высоты.
Так и мое желание одно,
Как каплю, слей с твоею Волей ты.
В твоих Хотений мощные ключи
Ты и мое стремление включи.

О если упрекнешь себя, что я
Стал слишком близок для тебя на миг,
Скажи себе, — в том Воля лишь твоя
И без нее немного б я достиг.
Своим мое желанье назови,
Для Воли путь не закрывая в рай,
Раз весь я слит с желанием любви
И с Волею, что льется через край.
Пусть не отмечен я в потоке числ,
Но в личных счетах выделен, любя;
И пусть ничто цена моя и смысл,
Но все-таки я нечто для тебя.

Желанье чти и вот уж я любим:
Ведь я зовусь Желанием твоим.

О шут слепой, любовь. Зачем же ты
Не видеть, видя, научило взгляд?
Ведь, зная все приметы красоты,
Он ошибался столько раз подряд!
Зачем мой взор, обманом отравив,
Ты в лжи бездонной погрузило тьму,
Как тяжкий якорь в дремлющий залив,
Сужденья сердца приковав к нему?
Зачем клочок ничтожнейшей земли
Считаю я простором без конца?
И как глаза прекрасное могли
Найти в чертах порочного лица?
И взгляд и сердце, потеряв устой,
Не отличают истины простой.

Когда твердит о верности своей
Любимая мне лживым языком,
Я показать в ответ стараюсь ей,
Что сердцем юн и с фальшью не знаком.
Мы знаем оба, что мою весну
Давно сменили сумерки зимы,
Но про волос и сердца седину,
Не сговорясь, умалчиваем мы.
Зачем она не скажет, что лгала,
И я, что стар, не вспомню никогда?
О, для любви не истина мила!
К чему считать измены и года?
 Так мы друг другу этой ложью льстим
 И скрыть свое неверие хотим.

Не жди, чтобы, тебя на этот раз
Оправдывая, правду искажал.
Не рань меня игрою ловких глаз; —
Употреби язык или кинжал.
Скажи: люблю другого. Но при мне
Смотреть лукаво в сторону не смей.
Тебе нужна ли хитрость на войне,
Раз безгранично ты меня сильней?
Но, может быть, ты хочешь мне помочь:
Узнав, что взгляд твой мне смертельный враг
Из жалости его отводишь прочь,
Чтоб не будил во мне он боль и страх?
 О нет, полуживого не щади, —
 Добив меня, от мук освободи.

Умей быть умной, раз ты жестока,
Презрением терпенье не сломай;
Не то слова мне выкует тоска,
Оформив боль, что льется через край.
О если б ты смогла, моя любовь,
Слова любви твердить мне, не любя,
Как ложь от исцеленья вновь и вновь
Больным твердят, сочувственно скорбя!
Ведь я, сойдя в отчаяньи с ума,
Начну кричать, что зла и лжива ты;
А мир жесток; ушей безумных тьма,
Приемлющих безумство клеветы.
 Чтоб не навлечь злословия позор,
 Взяв сердце, мне оставь хотя бы взор.

Клянусь, тебя совсем не любит взор,
В тебе он видит недостатков тьму.
Но сердца пыл, глазам наперекор,
Безумной страсти полон ко всему.
Твой голос для ушей не звуки флейты,
Прикосновеньем ты не будишь дрожь,
Для обонянья не цветок полей ты,
За лакомство для вкуса не сойдешь.
Но все пять чувств не победят порыв,
Которым сердце глупое полно.
Достоинство и разум позабыв,
Твоим рабом желает быть оно.
Ты ввергла в грех. Но в муках мне отрада,
Что наказуешь ты же карой ада.

Любовь — мой грех и вправе осудить
Меня твоя была бы добродетель.
Но, пробуя себя со мной сравнить,
Суди: упреки заслужил я эти ль?
А если я и заслужил, скажи:
С твоих ли уст их горечь получать?
Сочти, подлогов сколько, сколько лжи
Скрепила их фальшивая печать.
Не льнешь ли ты к любовника груди?
Зачем ты пламень порицаешь мой?
В саду души ты жалость посади,
Чтоб стать ее достойною самой.
С виною наказание часто схоже, —
Страшись же быть отвергнутою тоже.

Вот, посмотри, в охотничьем пылу
Хозяйка ловит к ужину цыплят,
Ребенка посадивши на полу,
Ему не успевая бросить взгляд.
Дитя в испуге призывает мать,
Но тщетно слезы капая с ресниц, —
Она в азарте силится поймать
Проворно разлетающихся птиц.
Так за летящим прочь стремишься ты,
А я — тобой забытое дитя,
И я молю, — поймав свои мечты,
Утешь меня, лаская и шутя.
 За прихотями ветрено гонись,
 Но к плачущему все-таки вернись.

Двух духов власти мне не превозмочь
И две любви томят мои мечты:
То женщина, похожая на ночь,
То юноша небесной красоты.
Чтоб в ад меня направить, женский дух
Прочь ангела уводит от меня,
Его невинный отравляя слух,
Ко злу греха соблазнами маня.
И, может быть, — не знаю точно я, —
Мой ангел сам стал черен, точно бес?
Иль с той минуты, как они друзья,
В ее аду зажегся свет небес?
 Так зло с добром я спутал наяву
 И в тягостном сомнении живу.

Любовью созданы самой,
Ее уста мне зло твердят:
«Я ненавижу»... Ах, но мой
Ее смутил унылый взгляд.
И сердце нежное в груди,
Моей любви услышав крик,
Ей шепчет: строго не суди,
Смягчи безжалостный язык.
И к «ненавижу я» конец,
В котором луч надежды есть,
Который мил мне, как гонец,
Несущий радостную весть,
Она прибавила тотчас:
«Я ненавижу... Но не вас».

Центр плоти грешной, бедная душа,
Зачем, внутри от голода и стужи,
От тягостных лишений чуть дыша,
В блеск наслаждений рядишься снаружи?
Зачем такую дорогой ценой
Ты украшаешь бренный свой дворец?
Стать пищею червей, — какой иной
Еще сужден для внешнего конец?
А потому, душа, отныне ты
Бессмысленные траты позабуди:
Внутри достигнув щедрой полноты,
Снаружи ты прикрашенной не будь.

Тогда своим богатством смерть питать
Не станешь ты, чтоб жертвой тленья стать.

Как лихорадки жар, моя любовь
Меня гнетет, терзает и томит,
Но к всему, что отравляет кровь,
Болезненно стремится аппетит.
Рассудок мой, — горячки сердца врач, —
Моим пренебреженьем оскорбься
К его рецептам, после неудач
Совсем ушел, порвав со мною связь.
Итак, отныне я неизлечим,
В сознание я больше не приду.
Не окружен вниманием ничьим,
Я лишь твержу в неистовом бреду:
 Ты красоты сияющей полна, —
 Ты кто, как ад, как мрак ночной черна.

Обманщиков ты мне, любовь, даешь
С коварною усмешкой вместо глаз.
Зачем они моих суждений ложь
Не в силах сделать явною хоть раз?
Ведь если то прекрасно, что люблю,
Зачем весь мир твердит, что я не прав?
Какой ценой я зрение куплю,
Очки моей иллюзии сломав?
Но как, о как могли бы быть верны
Мои глаза, ослепшие от слез?
Что может солнце видеть с вышины,
Покуда вихрь тумана не унес?
 О, ты слепишь глаза слезами мне,
 Чтоб скрыть свои провинности вполне.

Жестокая, ты в праве ль утверждать,
Что не люблю, что я тебя забыл,
Раз, сам себя забыв, спешу отдать
Тебе и мысли и сердечный пыл?
Сторонник твой, я враг себе в бою.
И может ли твой враг быть другом мне?
Ведь возбудивши ненависть твою,
Себя возненавидел я вдвойне.
Смогли ли воля, гордость ли моя
Тебе служеньем пренебречь хоть раз?
Твоим порокам поклоняюсь я,
Послушен знаку и движенью глаз.
 Но я недаром нелюбим тобой:
 Ты любишь тех, кто видит; я — слепой.

Какие силы силу дать могли
Тебе, чтоб, став покорнейшим рабом,
Поклялся я, — величие земли
Во тьме ночной, не в полдне голубом?
О как ты обольстительность нашла,
Которою полна твоя игра,
Дающая любым оттенкам зла
В моих глазах сияние добра?
Как сумрак твой подобен стал красе
И гнев твой — страсти, бьющей через край?
Пусть то люблю, что отвергают все,
Со всеми ты меня не отвергай.
 Чем черного в тебе я больше вижу,
 Тем более люблю, — не ненавижу.

Любовь еще юна, чтоб совесть знать;
Но совесть ведь любовью рождена.
Не торопись мне грех в вину вменять, —
Сама пожнешь упреков семена.
Для духа плоть греховная заразна, —
Грех оправдать уловки ищет дух.
Но плоть ведь ты подвергнула соблазнам
И привела их к униженью двух.
Плоть восстает, спешит мишень наметить
И с жадностью берет тебя как приз.
Но в чем триумф? Чтоб, как рабу, ответить,
Склонившись ниц, на зов твой и каприз?
Я для тебя восстать готов и пасть.
Иль совести чужда такая страсть?

Преступен я, любя тебя. Но что же?
Ведь ты — клятвопреступница вдвойне.
Неверная супружескому ложу,
Неверною ты сделалась и мне.
И все-таки могу ли обвинять я, —
Я, двадцать клятв нарушивший, — скажи?
Ведь, дав обет забыть твои объятья,
Я уличаем не был ли во лжи?
Не клялся ли я разве, что добра ты,
Что любишь, что верна, сто раз подряд,
Невольной слепотою ли объятый,
Нарочно ль свой обманывая взгляд?
Я клялся даже, что прекрасна ты!
Что лживее подобной клеветы?

Уснул, оружие бросив, Купидон,
А нимфа своенравная Дианы
Колчан в поток забросила, чтоб он
Не приносил страдания и раны.
И, разогрет любви священным жаром,
Воспламенен, и бурен, и кипуч,
Целебных сил неповторимым даром
Был наделен навеки этот ключ.
Но вновь стрелы угаснувшей конец
Амур зажег о взгляд моей любимой,
Мое для пробы выбрав из сердец
И поразив тоской неизлечимой.

Бессилен ключ. Лишь взгляд бы мне помог,
Где взял огонь неугомонный бог.

Амур уснул и позабыл впервые
Он свой колчан, источник стольких бед.
К нему подкрались нимфы молодые,
Хранящие невинности обет.
И унеслись на крыльях резвых ног,
Украв огонь, сжигающий покой,
Смеясь над тем, что вожделенья бог
Обезоружен девственной рукой.
Огонь в ручей заброшен был. И вот
Поток горячим и целебным стал.
Но, обожженный страстью, в силу вод
Я тех лечебных верить перестал.

Любовь согрела воду, но вода
Любовь не охлаждает никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	5
Стихи неизвестных авторов, вошедшие в сборник «Страстный пилигрим», изданный в 1599 г. под именем Шекспира	17
«В тени лесной, весной опьянена...»	18
«Едва лишь солнце, осушив росу...»	19
«Поутру от желания тоски...»	20
«Та, что люблю, нежнее голубка...»	21
«Бутон увядший, сорванный до срока!...»	22
«Старости с весельем юным не ужиться...»	23
«Ночных часов медлительность кляня...»	24
Шекспир	25
Песня	26
Феникс и горлица	27
Надгробный гимн	29
Из сборника «Страстный пилигрим»	30
Любовная жалоба	32
Сонеты	44

T. P. Znamerovskaya. Translations. Shakespeare / composition, introduction by A. V. Morozova. — St. Petersburg: «Raduga» Publ., 2022. — 200 p. (3 ill.)

The book is a publication of manuscripts of the major Russian art researcher T. Znamerovskaya (1912–1977). Znamerovskaya wrote poetry all her life, and also translated many poets of the past and present. She was especially proud of her translations of Shakespeare. Professor N. Ya. Berkovsky, poet S. P. Antonov spoke of them with great praise.

The author of textual training volume, introduction, and redactor of volume is A.V. Morozova.

The book may be of interest to art researcher as a material for the biography of T. Znamerovskaya, literary critics as a professional translation of Shakespeare's poetry, which can compete with Marshak's translations.

The book is a serial publication, following the book "T.P. Znamerovskaya. Memories. Lyrics (Love and life. Poems). Under redaction by A.V. Morozova" published in 2020 with support of RFBR (project № 20-19-40009 d_npi) and behind the book "T.P. Znamerovskaya. Only about personal things", published in 2021 with the support of the RFBR (project № 21-112-40006 d_npi).

Знамеровская Татьяна Петровна

ПЕРЕВОДЫ. ШЕКСПИР

Составитель, редактор и автор предисловия

Морозова Анна Валентиновна

*В книге использованы фотографии из домашнего архива
семьи Знамеровских и домашнего архива В. А. Булкина*

*Для оформления обложки использована гравюра Мартина Друшаута,
украшавшая фронтиспис первого издания пьес У. Шекспира 1623 г.
и считающаяся одним из наиболее достоверных портретов поэта*

Верстка и дизайн обложки

Н. Л. Балицкая

Подписано в печать 02.11.2022 г.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии **123 BOOK**
Санкт-Петербург, шоссе Революции, 102
www.123book.ru

